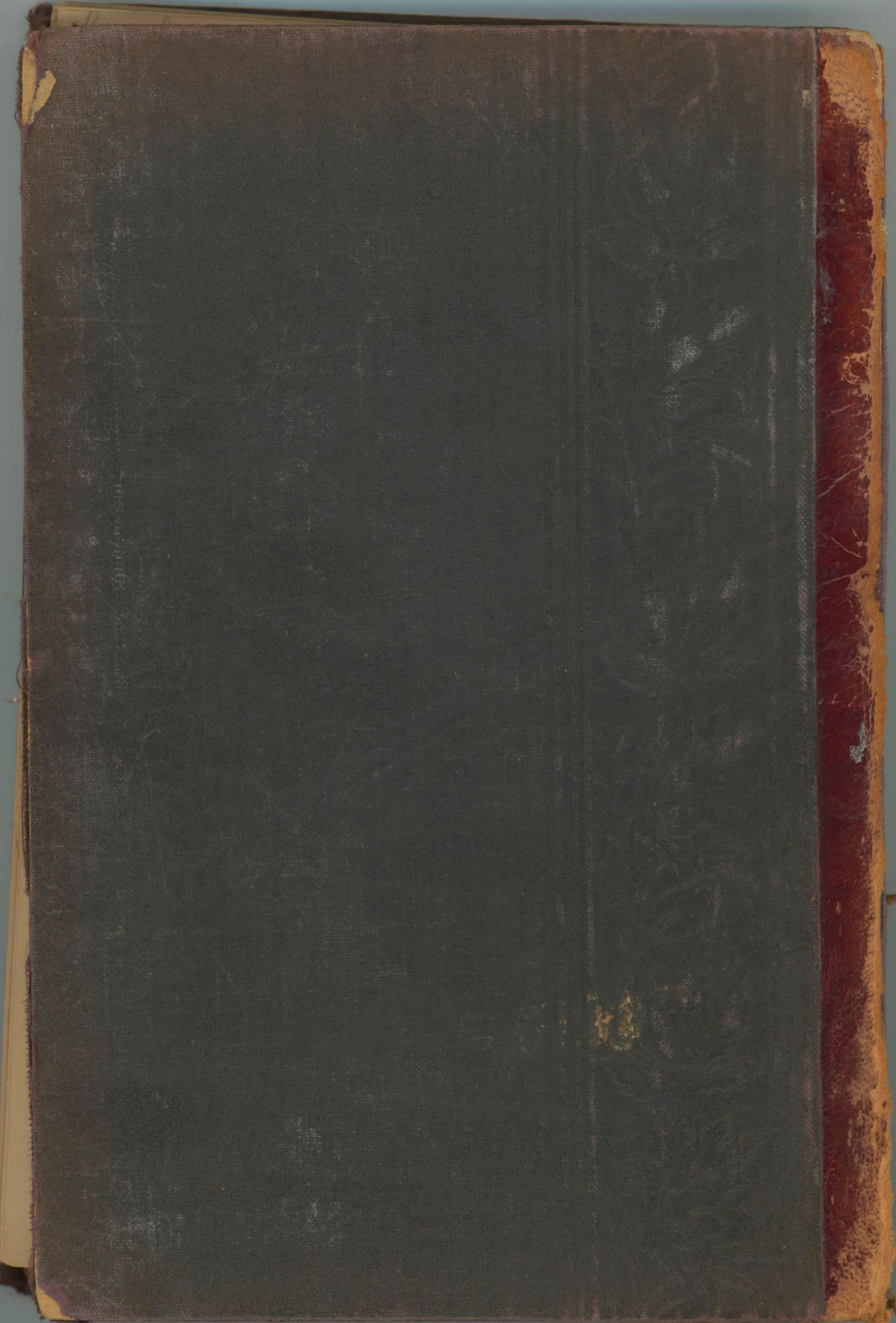

238087

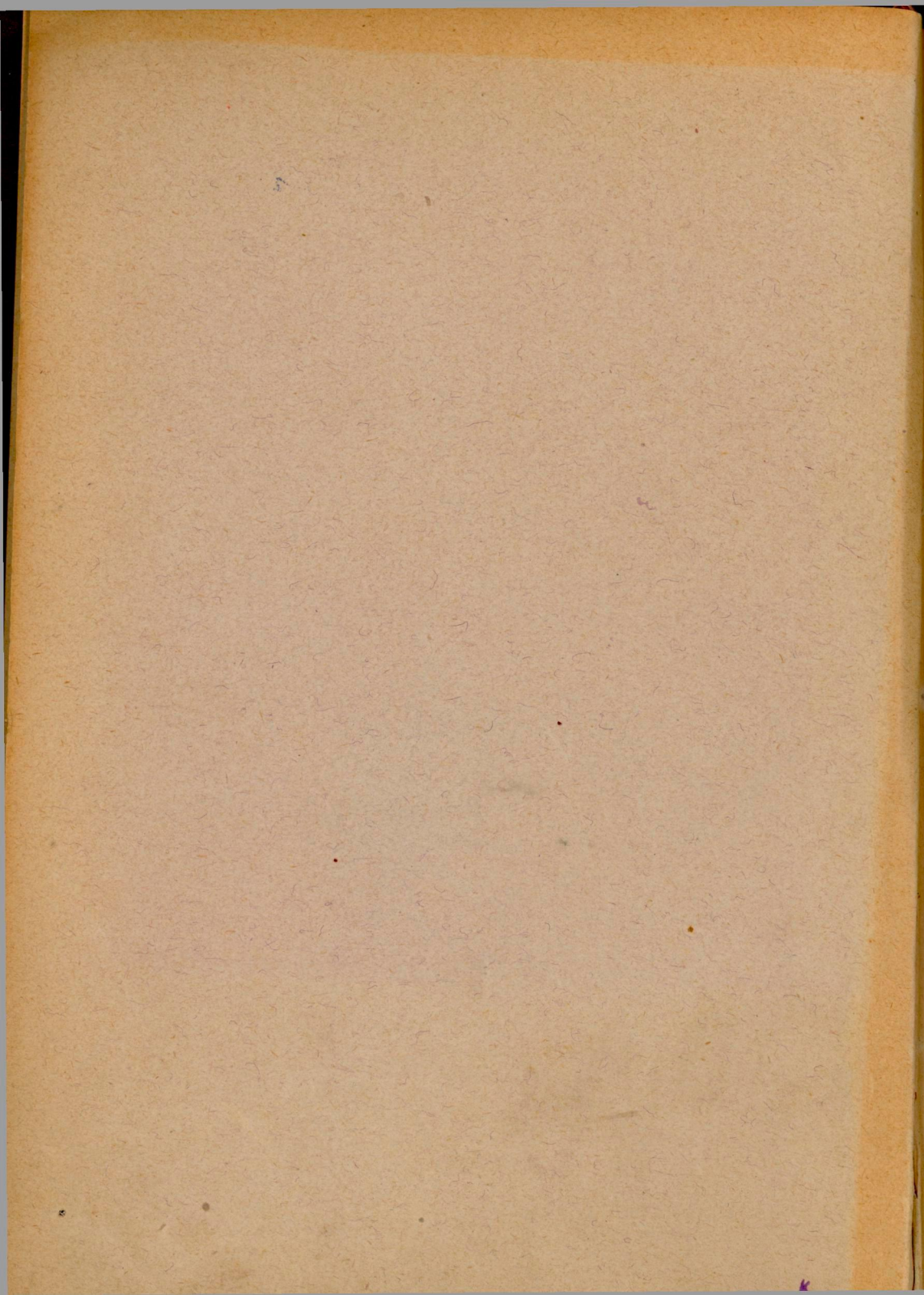
1018 118 2101

1018 118 2101

2

1231

Мисль і слово
А. П.

МЫСЛЬ И ЯЗЫКЪ.

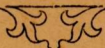

А. Потебни.

3-Е ИЗДАНИЕ,

дополненное статьями „Языкъ и народность“ и „О націонализмъ“.

2-е изд. рекомендовано Учебн. Ком. М. Н. П. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, № 14-й.

1913. ✕

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе ко 2-му изданію	V
Предисловіе къ 3 му изданію	VII

Мысль и языкъ.

I. Намѣренное изобрѣтеніе и Божественное созданіе языка	1
II. Беккеръ и Шлейхеръ	7
III. В. Гумбольтъ	22
IV. Языкознаніе и психологія	39
V. Чувственныя воспріятія	52
VI. Рефлексивныя движенія и членораздѣльный звукъ	63
VII. Языкъ чувства и языкъ мысли	73
VIII. Слово, какъ средство апперцепціи	91
IX. Представленіе, сужденіе, понятіе	114
X. Поэзія. Проза. Сгущеніе мысли	145

Языкъ и народность	187
-------------------------------------	------------

О націонализмѣ	221
---------------------------------	------------

Предисловіе ко 2-му изданію.

Сочиненіе „Мысль и языкъ“, обнародованное лѣтъ тридцать тому назадъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1862 г., въ настоящее время сдѣлалось большою библиографическою рѣдкостію и даже совсѣмъ почти позабыто. Между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, которое, можно надѣяться, съ теченіемъ времени будетъ только возрастать.—Въ этомъ своемъ сочиненіи покойный А. А. Потебня, излагая взгляды Гумбольта и его школы на отношеніе языкознанія къ психологіи и логикѣ, выставилъ рядъ своихъ собственныхъ выводовъ, какъ по этимъ общимъ, такъ и по многимъ привходящимъ сюда частнымъ вопросамъ, выводовъ, ставящихъ задачи русскаго и вообще славянскаго языкознанія на широкую основу исторіи мысли. Развитые здѣсь взгляды покойный авторъ проводилъ во всѣхъ послѣдующихъ своихъ трудахъ, находящихся вслѣдствіе этого въ столь тѣсной связи съ его сочиненіемъ „Мысль и языкъ“, что читателю, незнакому съ послѣднимъ, многое въ нихъ будетъ представляться неяснымъ, недосказаннымъ. Это особенно можетъ относиться къ его „Запискамъ по русской грамматикѣ“, гдѣ, разсыпая поражающіе мѣткостію и новизною выводы при анализѣ отдѣльныхъ явленій, онъ мало заботится объ общей связи между частными своими обобщеніями, полагая, повидимому, что читатели и сами съумѣютъ найти ее при помощи сочиненія „Мысль и

языкъ“, представляющаго стройное изложене почти всѣхъ основныхъ взглядовъ покойнаго на отношеніе слова къ мысли. Этихъ своихъ взглядовъ А. А. Потебня держался до конца своей жизни, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуеъ оконченный незадолго до его смерти и приготавлиаемый нынѣ къ печати III-й томъ „Записокъ по русской грамматикѣ“, гдѣ, разбирая мимоходомъ нѣкоторыя воззрѣнія, изложенныя въ новѣйшей книгѣ Макса Мюллера—*Das Denken im Lichte der Sprache* (1887 г.), онъ противопоставляетъ имъ свои давнишніе взгляды на отношеніе элементовъ слова къ понятіямъ и представленіямъ, и вообще грамматики къ философіи.—Коснувшись сочиненія Макса Мюллера, появившагося недавно и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Наука о мысли“, кстати замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ весьма важныхъ научныхъ положеній, выработка которыхъ тутъ приписывается новѣйшимъ западноевропейскимъ ученымъ (Нуаре), давно развиты А. А. Потебнею въ переиздаваемой теперь его ранней работѣ, аналогичной по содержанію съ новою книгою англійскаго языковѣда.

М. Дриновъ.

1912 г.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Переиздавая 3-мъ изданіемъ „Мысль и языкъ“, присоединяемъ статью „Языкъ и народность“, напечатанную въ Вѣстн. Европы 1895 г. и переизданную въ большемъ трудѣ того же автора „Записки по теоріи словесности“, въ видахъ ознакомленія болѣе широкой публики съ идеями автора о значеніи языка и языкознанія.

Маленькую черновую замѣтку „О націонализмѣ“, быть можетъ послужившую для статьи „Языкъ и народность“, печатаемъ, не желая, чтобы пропадали выраженные въ ней мысли того же направленія.

М. Потебня.

1912 г.

МЫСЛЬ И ЯЗЫКЪ.

1. Намѣренное изобрѣтеніе и Божественное созданіе языка.

Вопросъ объ отношеніи мысли къ слову ставить лицомъ къ лицу съ другимъ вопросомъ, о происхожденіи языка, и наоборотъ попытка уяснить начало человѣческой рѣчи, неизбѣжная при всякомъ усиленіи возвыситься надъ массою частныхъ данныхъ языкознанія, предпо- лагаетъ извѣстный взглядъ на значеніе слова для мысли, и степень его связи съ душевною жизнью вообще.

Имѣя въ виду изложить нѣкоторыя черты той теоріи языка, основателемъ коей можетъ считаться В. Гумбольтъ, мы по свойству самого предмета, должны вмѣстѣ говорить и о происхожденіи слова. Начнемъ съ указанія на нѣкоторые преженіе взгляды, которые дол- жны быть разрушены, чтобы дать мѣсто новымъ.

Прежде всего должны быть устранены взаимно противопо- ложныя мнѣнія о сознательномъ изобрѣтеніи слова людьми и о непосредственномъ созданіи его Богомъ. Оба эти мнѣнія очень стары, но возобновлялись и въ недалекія отъ насъ времена и всегда, не смотря на различіе въ частностяхъ, сходились въ основныхъ поло- женіяхъ, заключающихъ въ себѣ внутреннія противорѣчія.

Теорія сознательно-намѣреннаго изобрѣтенія языка предпола- гаетъ, что природа и формы человѣческой жизни податливо-готовы принять всѣ виды, какіе заблагоразсудить имъ дать произволъ чело- вѣка; она построена на вѣрѣ во всемогущество разума и воли, на что-бы они ни были направлены: на преобразованія государства, литературы, или языка. Послѣдователи этой теоріи придавали осо- бенный вѣсъ произвольности нѣкоторыхъ правилъ литературнаго языка и отсюда заключали о конститутивномъ вліяніи грамматиче- скихъ работъ, на языкъ вообще. Цѣль грамматики, говоритъ Мерз- ляковъ, „оградить языкъ отъ чуждаго вліянія, т. е. сохранить его чистоту и характеръ, опредѣлить cadaго слова собственность, до- ставить каждому надлежащія границы значенія, т. е. даровать ему

точность и опредѣленность, несмотря на прихоти употребленія, которое, хотя въ вѣчной враждѣ съ грамматикою, но совершенно уничтожено быть не можетъ, какъ средство, придающее слогу иногда краткость, силу, или по-крайней-мѣрѣ, живость и легкость“ ¹⁾. „Языкъ отечественный, по словамъ другого ученаго того времени, Каченовскаго, не можетъ быть точнымъ, постояннымъ, совершенно вразумительнымъ въ самыхъ малѣйшихъ отѣнкахъ понятій, если грамматика не предпишетъ ему твердыхъ правилъ“. „Каждый языкъ, доколѣ не имѣетъ своихъ собственныхъ правилъ извѣстныхъ, извлеченныхъ изъ его внутренней природы, доколѣ подверженъ бываетъ частымъ измѣненіямъ отъ вліянія на него другихъ сосѣдственныхъ или даже отдаленныхъ языковъ“. Здѣсь нѣкоторая примѣсь чуждой этому направленію мысли о самостоятельности и народности языка, но всегда за тѣмъ опять переходъ къ любимой темѣ—неограниченной власти человѣка: „когда-же появляются сіи благодѣтельные законодатели, отечественному языку своему назначающіе кругъ его дѣйствія и предѣлы его движеніямъ? Безъ сомнѣнія, уже въ то время, когда языкъ сдѣлался уже богатымъ, по мѣрѣ пріобрѣтенныхъ народомъ познаній, когда въ народѣ явились уже превосходные писатели, однимъ словомъ, когда просвѣщеніе пустило уже глубоко свои корни“ ²⁾. Такимъ-образомъ законодательство, сообщающее языку всѣ требуемыя превосходныя качества, возможно только тогда, когда языкъ самъ пріобрѣтъ ихъ и не нуждается въ законодательствѣ. Употребленіе, враждующее съ грамматикой и неосуждаемое на смерть, только ради нѣкоторой приносимой имъ пользы, оказывается единственною законодательною властью; но такъ-какъ оно прихотливо и непостоянно, то можно думать, что въ языкѣ вовсе нѣтъ законовъ. Все въ немъ какъ-то случайно, такъ-что, напр., раздѣленіе его на нарѣчія не есть слѣдствіе въ немъ самомъ сокрытыхъ условій жизни, а дѣло внѣшнихъ обстоятельствъ, въ родѣ татарскаго погрома: „исполинскими шагами текли Россы къ обогащенію своего языка: какъ вдругъ гроза, которую честолюбіе князей давно готовило, обрушилась надъ нашимъ отечествомъ и истребила только возраставшіе успѣхи просвѣщенія... Сѣверо-западная часть Россіи заняла много словъ, а еще болѣе окончаній (?!), свойственныхъ языку литовцевъ“ (оттуда бѣлорусское нарѣчіе); „языкъ южной Руси, потерявъ средство съ славяно-русскимъ, совер-

¹⁾ Труды Об. Люб. Русск. Слов. 1, 60, 1812 г.

²⁾ Тр. Об. Л. Р. Сл. IX, 19—20. 1817. Ср. Мерзл. Тр. Об. I. 58.

шенно приблизился къ польскому“ (оттуда малорусское нарѣчіе); „все-же государство... перенимало множество реченій татарскихъ“ ¹⁾).

Съ подобными убѣжденіями въ господствѣ произвола надъ языкомъ странно сталкивались мнѣнія о необходимости и важности слова. Словомъ, говорить Ломоносовъ, который здѣсь можетъ намъ служить представителемъ многихъ другихъ, человѣкъ превосходить прочихъ животныхъ, потому-что оно дѣлаетъ возможнымъ общеніе мысли, связываетъ людей въ общество. Люди безъ слова были-бы похожи на разбросанныя части одной машины, „не только лишены-бы были согласнаго общихъ дѣлъ теченія, которое соединеніемъ разныхъ мыслей управляетъ, но едва-ли-бы не были хуже звѣрей“ ²⁾. Очевидно, что человѣкъ въ такомъ состояніи, когда онъ хуже звѣря, не можетъ быть изобрѣтателемъ языка, который ставить его выше прочихъ животныхъ, а потому можно-бы думать, что слово врождено человѣку; но это не такъ, потому-что необходимымъ и врожденнымъ въ человѣкѣ можетъ-быть признана развѣ мысль, но не связь ея съ членораздѣльнымъ звукомъ. Звукъ есть средство выраженія мысли очень удобное, но не необходимое. Неудобство мимики, какъ средства сообщенія мысли, по Ломоносову, только въ томъ, что движеніями нельзя говорить безъ свѣта ³⁾.

Музыкальныя свойства голоса то-же только отчасти неудобны; повышеніе и пониженіе, степень силы и долготы даютъ звуки столько разнообразія, что, если-бы возможны были люди со струнами на груди, но безъ органовъ слова, то звуками струнъ они могли-бы свободно выражать и сообщать другимъ свои мысли. Съ другой стороны, и мысль существуетъ независимо отъ языка. Конечно, если-бы понятіе было невозможно безъ слова, то языкъ не могъ-бы быть человѣческимъ изобрѣтеніемъ, потому-что одни членораздѣльные звуки еще не языкъ, а предположивъ существованіе изобрѣтающей мысли до языка, тѣмъ самымъ нужно было-бы предположить и слово, такъ-что для изобрѣтенія языка былъ-бы нуженъ готовый уже языкъ. Но такое затрудненіе устраняли утвержденіемъ, что какъ чувственныя воспріятія и ихъ воспоминанія происходятъ и въ человѣкѣ и въ животномъ безъ помощи слова, такъ и общія представленія только удерживаются въ памяти, сообщаются другимъ и совершенствуются, а не образуются посредствомъ слова. Согласно

¹⁾ Орнатовскій, новѣйшее начерт. правилъ Росс. Грам. Харьковъ, 1810 г. 28.

²⁾ Лом. Грам. § 1.

³⁾ Ib. § 8.

съ этимъ мнѣніи послѣдователей этой теоріи о происхожденіи языка совершенно противоположны приведенному въ ней положенію о его необходимости.

Сначала люди жили, какъ животныя, потомъ почувствовали побужденіе соединиться въ общество и найти средство взаимнаго сообщенія мысли. Вѣроятно, прежде всего вспала имъ на умъ мимика, но впослѣдствіи они увидѣли недостатки этого языка, замѣтили, что душевныя движенія заставляютъ ихъ издавать извѣстные звуки и что посредствомъ подобныхъ звуковъ животныя понимаютъ другъ друга. Естественнo было примѣнить къ дѣлу это открытіе и сдѣлать звуки знаками мысли. Первые слова были звукоподражательныя. Изобрѣтатели языка поступали, подобно живописцу, который, изображая траву или листья древесныя, употребляетъ для этого зеленую краску; желая напр. выразить предметъ дикій и грубый, избирали и звуки дикіе и грубые. Затѣмъ, ободренные успѣхомъ, люди стали выдумывать слова, имѣвшія болѣе отдаленное сходство съ предметами. Изобрѣтеніе словъ для общихъ представленій то-же не представило особенныхъ трудностей: общія представленія уже были: должны были явиться и названія для нихъ, потому-что, въ противномъ случаѣ, пришлось-бы не только для всякаго новаго предмета извѣстнаго рода, но и для всякаго новаго воспріятія того-же предмета имѣть особое слово, а такого множества словъ не могла-бы вмѣстить никакая память, да и самое пониманіе было-бы невозможно. Такъ появились и части рѣчи: нужно было назвать субстанцію—выдумывали существительное, сами не зная, подобно нынѣшнимъ необразованнымъ людямъ, что это—существительное; требовалось обозначать качество—выдумывали прилагательное и т. д. Не слѣдуетъ поражаться глубокимъ разумомъ, съ какимъ въ языкѣ звуки передаютъ изгибы мысли, потому, что языкъ, подобно всѣмъ человѣческимъ изобрѣтеніямъ, вначалѣ грубъ и только исподоволь достигаетъ совершенства (при чемъ забывается принимаемая многими и въ XVIII в. мысль, что и грубѣйшіе языки устроены премудро, т. е. стоятъ безконечно выше намѣреннаго, личнаго творчества). Не слѣдуетъ также слишкомъ удивляться изобрѣтателямъ языка, потому-что дѣло ихъ вытекло не изъ глубокаго размышленія, а изъ чувства нужды ¹⁾ (какъ будто наше уваженіе къ великому человѣку уменьшается отъ того, что ему необходимо было самому сознать необходимость истины, прежде чѣмъ показать ее свѣту).

¹⁾ Такъ Тидеманъ (XVIII в.) и мн. др. см. Steinthal, Der Ursprung der Sprache. 2-е изд. 5—12.

Противорѣчіе между необходимостью языка и произволомъ въ его изобрѣтеніи совершенно вѣрно общему направленію теоріи сформулировано у Орнатовскаго: „языкъ или слово, въ обширѣйшемъ смыслѣ, есть способность выражать понятія членораздѣльными звуками; языкъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, есть содержаніе (по Тидеману, прямо, собраніе) всѣхъ тѣхъ членораздѣльных звуковъ, которые какой-либо народъ, по общему согласію, употребляетъ для взаимнаго сообщенія понятій ¹⁾“. „Даръ слова есть даръ общій, естественный, необходимый; напротивъ того языкъ, употребленіе сего дара, есть нѣчто искусственное, произвольное, зависящее отъ людей“; онъ есть изобрѣтеніе, „слѣдствіе договора, заключеннаго членами общества для сохраненія общаго единогласія“ ²⁾.

Въ мысли о постепенномъ совершенствованіи языковъ видно законное стремленіе низвести къ возможно меньшимъ величинамъ все врожденное и сразу данное человѣку; но это стремленіе, дурно направленное, привело къ тому, что искомая величина, высокое развитіе человѣка, принята за данную и уже готовую. При этомъ самый процессъ исканія оказывается излишнимъ. Такъ напр., языкъ нуженъ для общества, для согласнаго теченія его дѣлъ, но онъ предполагаетъ уже договоръ, слѣдовательно общество и согласіе. Совершенствованіе мысли возможно только, посредствомъ ея сообщенія, науки, поэзіи, слѣдовательно—слова; но слово возможно только тогда, когда мысль достигла совершенства, уже и безъ него. Нѣтъ языка безъ пониманія, но пониманіе возможно только посредствомъ словъ, незамѣнимыхъ самою выразительною мимикою. Положимъ, что можно условиться, посредствомъ мимики, называть столъ *столомъ*, но тогда нужно будетъ принять, что въ другихъ предшествующихъ случаяхъ связь между членораздѣльнымъ звукомъ и мыслью была непосредственно понятна, т. е., что, рядомъ съ произвольно выдуманными и условными словами, были въ языкѣ слова произвольныя и всѣмъ одинаково вразумительныя, безъ договора. Это уничтожаетъ основное положеніе, что языкъ есть дѣло договора, наборъ условныхъ знаковъ.

Второе предположеніе, о Божественномъ началѣ языка въ неразвитой формѣ, впервые появилось, по всей вѣроятности, задолго до рассмотрѣннаго выше, но оно имѣетъ мѣсто и въ исторіи развитія близкихъ къ намъ по времени взглядовъ на языкъ. Мысль, что въ языкѣ есть много сторонъ, о которыхъ и не снилось чело-

¹⁾ Орнат. новѣйш. начерт. и пр. стр. 37.

²⁾ Ib., стр. 8, 36.

вѣческому произволу, и что сознательно направленные силы человека ничтожны въ сравненіи съ задачами, которыя рѣшаются языкомъ, можетъ служить спасительнымъ противодѣйствіемъ теоріи намѣреннаго изобрѣтенія; но въ теоріи откровенія языка эта мысль представляется въ такомъ видѣ, что уничтожаетъ или себя, или возможность изслѣдованія языка вообще.

Откровеніе языка можно понимать двояко: или послѣ созданія, Богъ въ образѣ человѣческомъ былъ учителемъ первыхъ людей, какъ полагаетъ Гаманнъ ¹⁾, или-же языкъ открылся первымъ людямъ посредствомъ собственной ихъ природы.

Въ первомъ случаѣ предполагается, что Богъ говорилъ, а люди понимали; но какъ даръ невозможенъ безъ согласія принимающаго, такъ пониманіе Божественнаго языка предполагаетъ въ человѣкѣ знаніе этого языка, возможность создать его собственными силами. Дѣти выучиваются языку взрослыхъ только потому, что при другихъ обстоятельствахъ могли-бы создать свой.

Во второмъ предположеніи, что языкъ непосредственно вложенъ въ природу человѣка, то-же два случая: 1) если даны человѣку только зародыши силъ, необходимыхъ для созданія слова, и если развитіе этихъ силъ совершалось по законамъ природы, то начало языка исполнѣ человѣческое и Богъ можетъ-быть названъ творцомъ языка только въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ—Создатель міра; 2) поэтому остается только одно предположеніе, что высоко совершенный языкъ непостижимыми путями сразу внушенъ человѣку. Тѣмъ самымъ вся сила теоріи Божественнаго созданія языка сосредоточивается въ утвержденіи превосходства первозданнаго языка надъ всѣми позднѣйшими.

Такъ какъ теперь языкъ образованнаго народа, по объему и глубинѣ выраженной въ немъ мысли, ставится выше языка дикарей, то и совершенства первобытнаго языка могли состоять не въ одномъ только благозвучіи, но и въ достоинствѣ содержанія. Божественный языкъ во всемъ долженъ былъ соотвѣтствовать первобытному, блаженному состоянію человѣка. „Тотъ языкъ, говоритъ К. Аксаковъ ²⁾, которымъ Адамъ въ раю назвалъ весь міръ, былъ одинъ *настоящій* для человѣка; но человѣкъ не сохранилъ первоначальнаго блаженнаго единства первоначальной чистоты, для того необходимой. Падшее человѣчество, утративъ первобытное и стремясь къ новому *высшему* единству, пошло блуждать разными

¹⁾ Steinthal, Der Urspr. d. Spr. 56.

²⁾ Опыты Русск. Грам. Ч. I. Вып. I. 1860. Стр. 3.

путями; сознание, одно и общее, облеклось различными призматическими туманами, различно преломляющими его светлые лучи и стало различно проявляться". Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ собраны всѣ несообразности, которыми страдаетъ теорія откровения языка. Мудрость, дарованная въ началѣ человѣку безо всякихъ успій съ его стороны, а вмѣстѣ нераздѣльные съ нею высокія достоинства языка, могли только забываться и растрачиваться въ послѣдующихъ странствованіяхъ человѣка по земной юдоли. Исторія языка должна быть исторіею его паденія. Повидимому это подтверждается фактами: чѣмъ древнѣе флектирующій языкъ, тѣмъ онъ поэтичнѣе, богаче звуками и грамматическими формами; но это паденіе только мнимое, потому что сущность языка, связанная съ нимъ мысль растетъ и преусиѣвается. Прогрессъ въ языкѣ есть явленіе до такой степени несомнѣнное, что даже съ точки противоположной ему теоріи нужно было признать, что единство, къ которому стремится человѣчество своими средствами, выше того, которое скрыто отъ насъ „призматическими туманами". Если же языкъ, которымъ говорить человѣкъ, бывшій еще только сосудомъ высшихъ вліяній, въ чемъ-нибудь несовершеннѣе языка людей, которымъ дана свобода заблуждаться, согласно съ ихъ природою; то роль, предоставляемая Божеству въ созданіи языка, блѣдна, въ сравненіи съ участіемъ человѣка, что не можетъ быть соглашено съ чистотою религіозныхъ вѣрованій.

Самое раздробленіе языковъ, съ точки зрѣнія исторіи языка, не можетъ быть названо паденіемъ; оно не гибельно, а полезно, потому что, не устраняя возможности взаимнаго пониманія, даетъ разносторонность общечеловѣческой мысли. При томъ, медленность и правильность, съ которою оно совершается, указываетъ на то, что искать для него мистическаго объясненія было бы также неумѣстно, какъ напр. для измѣненій земной коры или атмосферы ¹⁾.

II. Беккеръ и Шлейхеръ.

Нѣсколько дольше остановимся на теоріи безсознательнаго происхожденія языка, построенной на сравненіи языка съ физиологическими отправленіями или даже съ цѣлыми организмами. Однимъ изъ представителей этой теоріи будетъ намъ служить Беккеръ, авторъ книги: „Organism der Sprache", къ сожалѣнію болѣе у насъ

¹⁾ Ср. Grimm, Der Urspr. der Sprache. Abhandl. der Akad. zu Berl. 1851. 115—120.

извѣстной, чѣмъ посвященное ея разбору, прекрасное сочиненіе Штейнтала „Grammatik, Logik und Psychologie“, которымъ мы будемъ пользоваться при послѣдующемъ изложеніи.

„Организмъ“ есть для Беккера ключъ къ разрѣшенію всѣхъ недоумѣній, относительно языка; но самое это слово понимается имъ такъ, что не можетъ объяснить ровно ничего. „Въ живой природѣ, говоритъ онъ, по общему ея закону, всякая дѣятельность проявляется въ веществѣ, все духовное—въ тѣлесномъ, и въ этомъ тѣлесномъ проявленіи находитъ свое ограниченіе и образованіе (Gestaltung)“ ¹⁾. „Всеобщая жизнь природы *становится органическою* жизнію, проявляясь въ своихъ особенностяхъ: всякое органическое существо (Ding) представляется воплощеною особенностью всеобщей жизни, какъ бы воплощеною мыслью природы“ ²⁾. Но въ мірѣ мы находимъ только частности, только „воплощенные“ уже „особенности“, а „мысль природы“ есть очевидно не болѣе, какъ общее понятіе, къ которому мы возводимъ частныя явленія. Такому обобщенію можетъ быть подвергнуто все безъ исключенія; а потому подъ приведенное опредѣленіе подходятъ и живой организмъ, вполне принадлежащій природѣ, и мертвый механизмъ, представляющій намѣренное видоизмѣненіе даннаго природою матеріала.

Это всеобъемлющее значеніе организма не ограничивается и двумя другими его признаками, выведенными изъ основной мысли о воплощеніи: а) такъ какъ „общая жизнь природы“ или „ея мысль“—не болѣе какъ родовыя понятія, по отношенію къ коимъ понятія видовыя должны имѣть между собою нѣчто общее, то понятно, что всѣ органическія существа—по отношенію къ общей жизни природы, и отдѣльные органы каждаго существа порознь—по отношенію къ идеѣ этого существа, должны быть сходны въ извѣстныхъ основныхъ типахъ образованія и развитія; упомянутое сходство ничего, стало быть, не прибавляетъ къ первому опредѣленію организма; б) если въ понятіи (идеѣ; слово Begriff, по Беккеру, въ этомъ мѣстѣ тождественно съ Lebens-function) органическаго существа заключены уже съ самаго начала всѣ особенности этого существа, то „воплощеніе“, т. е. появленіе его можетъ быть не „вышнимъ сложеніемъ органовъ“, а „развитіемъ извнутри“. „Законъ развитія организма заключенъ въ его идеѣ (in der besonderen Lebens-function), и потому органическое развитіе совершается по внутренней необходи-

¹⁾ Org. d. Srp. 2-te Ausg. § 1.

²⁾ Ib. § 4.

мости“¹⁾; какъ развитіе извнутри, такъ и необходимость этого развитія—это свойства мысли, независимыя отъ того, будетъ-ли предметъ этой мысли органическое или неорганическое.

Хотя, согласно съ этими положеніями, Беккеръ не долженъ бы видѣть въ мірѣ ничего кромѣ организма, потому что для всего данаго можетъ быть найдена идея, въ немъ обособленная и управляющая его бытіемъ; но тѣмъ не менѣе онъ находитъ противоположность организму въ произведеніи искусства (т. е. механизмъ). Это послѣднее, говоритъ онъ, „вытекаетъ (произвольно) изъ мысли (Reflexion), возбужденной вѣншию нуждой, а не изъ самой жизни и не съ внутренней необходимостью (какъ организмъ); оно не въ себѣ самомъ носить законъ своего развитія, а получаетъ его отъ разума изобрѣтателя“²⁾. Но разумъ или, что на то же выйдетъ, человѣкъ, какъ разумное существо, какъ одно изъ необходимыхъ проявленій предполагаемой общей жизни природы, есть организмъ; всѣ его отправления, между прочимъ, фабрикація машинъ, внутренне необходимы: поэтому машина, по Беккеру, есть тоже организмъ. Она строится по зародившемуся въ мысли плану, и слѣдовательно развивается извнутри; всѣ ея части имѣютъ значеніе только въ цѣломъ, а цѣлое возможно только въ частяхъ, изъ коихъ каждая носитъ на себѣ общій всѣмъ остальнымъ отпечатокъ. Можно, правда, сказать, что машина создается вѣншими средствами, но, во-первыхъ, въ мірѣ, составляющемъ органическое воплощеніе своей идеи, всѣ средства органичны, а во-вторыхъ, и животное или растеніе развивается не иначе, какъ принимая и усваивая первоначально вѣншія для себя вещества. Что же до противоположенія свободы, съ какою создается машина, и необходимости въ жизни организма, то оно и для самого Беккера не существуетъ, потому что свобода, по его мнѣнію, есть только то въ извѣстномъ явленіи, чему сразу мы не прищемъ закона, такъ напр. постоянно одинаковое число жилокъ въ листьяхъ плюща есть необходимость, а разнообразная, то почти круглая, то остроконечная форма этихъ листовъ—свобода³⁾.

Уже изъ сказаннаго можно видѣть, въ чемъ основная ошибка Беккера. Онъ принимаетъ явленія природы за воплощеніе ихъ идеи, т. е. смотритъ на нихъ по отношенію къ цѣли, потому что воплощеніе идеи есть цѣль явленія, въ немъ самомъ заключенная. Это не

¹⁾ Org. d. Srp. § 4.

²⁾ Ib. § 6.

³⁾ Steinthal. Gr. L-u Ps. § 5, гдѣ выписка изъ соч. Беккера „Das Wort“.

болѣе, какъ логическій пріемъ, примѣнимый, хотя неодинаково, ко всему, пріемъ, который самъ по себѣ не можетъ еще дать реального опредѣленія, какое въ немъ находить Беккеръ. Отсюда необыкновенная путаница въ словахъ, приведенныхъ нами въ началѣ. Известно, что логически-правильное опредѣленіе должно заключать въ себѣ родовой признакъ (понятіе общее) и видовое отличіе (понятіе частное, по отношенію къ первому); но, въ опредѣленіи организма, Беккеръ принимаетъ за видовое такое понятіе, которое въ дѣйствительности есть общее, по отношенію къ тому, которое онъ считаетъ родовымъ. Организмъ, по его словамъ, есть всеобщая жизнь природы (понятіе общее), проявившаяся въ свѣихъ особенностяхъ (понятіе осуществленія идеи, т. е. понятіе цѣли, которое, по намѣренію автора, должно бы быть частнымъ сравнительно съ понятіемъ природы, но на дѣлѣ—есть общее, потому что многого, составляющаго проявленіе и обособленіе мысли, напр. сапоговъ, часовъ и т. п. мы не назовемъ организмомъ). Это все равно, какъ если бы кто опредѣлялъ грамматику такимъ образомъ: „Грамматика есть наука“ (общее понятіе), „составляющая одно изъ произведеній дѣятельности человѣческаго ума“ (понятіе, которое должно бы быть частнымъ, но есть общее, потому что не всякое произведеніе ума есть наука).

Еще яснѣе безплодный формализмъ Беккера, въ опредѣленіи одного изъ основныхъ, по его мнѣнію, признаковъ организма; именно — полярныхъ противоположностей, въ коихъ „заключается законъ развитія организма“ ¹⁾. „Органически-противоположными (Organisch different) называются въ естественныхъ наукахъ такіа дѣятельности и вещества, которыя именно своею противоположною взаимно условливаютъ другъ друга и находятся въ такихъ отношеніяхъ, что *a* есть только потому *a*, что противоположно *b*, и наоборотъ“. Таковы напр. въ организмѣ земли—противоположности положительнаго и отрицательнаго электричества, сѣверной и южной полярности, въ животномъ организмѣ—противоположности сжиманія и расширенія, усвоенія и отдѣленія (ассимиляціи и секретіи), мускула и нерва и пр. ²⁾. Эти противоположности законны только въ наукахъ, разсматривающихъ элементарныя силы природы въ полномъ ихъ разбѣденіи; организмъ же можетъ быть понятъ, только изъ совокупности того, что входитъ въ его составъ. Несправедливо будетъ выдѣлять изъ животнаго организма мускулъ и противопоставлять его только нерву, если мускулъ такъ-же невозможенъ безъ нервовъ, какъ и

¹⁾ Org. der. Sprache § 4 и мн. др.

²⁾ Ib. § 7.

безъ жилъ и костей. Если-же примемъ, что въ организмѣ *a*, какъ зависящее отъ *b*, *v*, *g*, *d*..., будетъ противоположно каждому изъ нихъ, точно такъ, какъ *b* будетъ противоположно *a*, *v*, *g*, *d*... и т. д., то это будетъ только значить, что *a* не есть *b* и пр., т. е. полярная противоположность окажется логическимъ отрицаніемъ, о которомъ Беккеръ совершенно справедливо говорить слѣдующее: „въ сужденіи *a* не есть *b*, мы только отрицаемъ тождественность двухъ видовъ одного рода, но не опредѣляемъ дѣйствительныхъ отношеній *a* и *b*“¹⁾. Сличивъ съ этимъ мысль Беккера, что органическая противоположность связываетъ части организма въ одно цѣлое²⁾, мы увидимъ, что единство членовъ организма, по Беккеру, только въ томъ, что, положимъ, глазъ—не ухо, или, въ языкѣ, глаголъ—не имя. Такая связь, однако, въ глазахъ самого Беккера недостаточна, потому-что „противоположность только тѣмъ связывается въ мысли въ органическое единство, что одинъ ея членъ... принимается въ другой, одинъ подчиняется другому. Такое соединеніе противоположностей въ единство, посредствомъ органическаго подчиненія... можетъ быть названо логическою формою мысли“³⁾. И такъ это новое единство было-бы опять чисто формальное и не могло-бы отдѣлить организма отъ неорганизма; но оно и логически невозможно, потому-что достигается взаимнымъ подчиненіемъ противоположностей, которыя могутъ быть только соподчинены другъ другу, какъ равные члены высшаго понятія.

Послѣ этого, назвать языкъ организмомъ или органическимъ отправленіемъ, значить не сказать о немъ ничего; но Беккеръ вводитъ языкъ въ болѣе тѣсный кругъ органическихъ отправленій въ общепризнанномъ смыслѣ, и это служить для него источникомъ новыхъ ошибокъ. Въ своемъ сочиненіи „Das Wort“ онъ говоритъ: „Если признать языкъ органическимъ отправленіемъ, которое, подобно другимъ, дано въ человѣческомъ организмѣ, вмѣстѣ съ единствомъ духовной и тѣлесной жизни...; то вопросъ о происхожденіи языка будетъ имѣть только такой смыслъ: какимъ образомъ человѣкъ впервые пришелъ къ совершенію этого отправленія?... Способность дышать дается дыхательными органами; но для дѣйствительнаго дыханія, кромѣ органовъ, нужно еще внѣшнее вліяніе (*Reiz*), возбуждающее ихъ къ дѣятельности, въ дыханіи это возбуждающее есть воздухъ, въ пищевареніи—пища. Въ примѣненіи къ языку это

¹⁾ Org. der Sprache § 25.

²⁾ Ib. § 7.

³⁾ Org. der Sprache § 11.

значить, что способность говорить дается органами слова, и вопросъ только въ томъ, что именно возбуждаетъ эти органы къ дѣятельности? Органы слова могутъ возбуждаться только духовною дѣятельностью, подобно остальнымъ органамъ произвольнаго движенія, и разница лишь въ томъ, что послѣдніе вызываются къ дѣятельности вліяніемъ воли, а первые—мыслью, познавательною способностью. Впрочемъ, такъ-какъ въ единствѣ человѣческаго духа чувство и воля не отдѣлены отъ мысли, то и въ отправленіяхъ органовъ слова проявляется чувство и воля, и наоборотъ, другіе органы произвольнаго движенія въ мимикѣ становятся органами слова... Человѣкъ такъ-же необходимо говорить, потому-что мыслить, какъ необходимо дышать, будучи окруженъ воздухомъ. Какъ дыханіе есть внѣшнее проявленіе внутренняго образовательнаго процесса, (Bildungsvorgang), а произвольное движеніе—воли; такъ языкъ есть внѣшнее проявленіе мысли“ ¹⁾.

И такъ, темныя стороны образованія языка должны намъ объясниться сравненіемъ его съ фізіологическимъ процессомъ дыханія, но, во первыхъ: въ дыханіи и органы, и возбуждающій ихъ воздухъ, равно принадлежать къ области физическихъ явленій и дѣйствуютъ по яснымъ законамъ, въ языкѣ-же не видно ничего общаго между органами слова и мыслью, и никакой физической или химической законъ не опредѣляетъ дѣятельности мысли въ языкѣ. Въ дыханіи воздухъ, возбуждающее средство, проникаетъ въ легкія, приходитъ тамъ въ соприкосновеніе съ кровью, химически измѣняется, и затѣмъ вытѣсняется изъ груди; но развѣ мысль проходитъ въ органы слова, измѣняется тамъ такимъ извѣстнымъ образомъ, какъ воздухъ въ легкіяхъ, и опять удаляется?

Во вторыхъ, воздухъ уже существуетъ до дыханія, пища—до пищеваженія, но существуетъ-ли мысль до слова? На этотъ вопросъ Беккеръ отвѣчаетъ въ разныхъ мѣстахъ то утвердительно, то отрицательно. „Не слѣдуетъ думать, говорить онъ, будто языкъ произошелъ такимъ образомъ, что человѣкъ искалъ и находилъ звуки и слова, для выраженія заранѣе готовыхъ въ его душѣ понятій. Предметы природы необходимо появляются, какъ скоро даны органическія условія ихъ существованія, и такое органически-необходимое ихъ появленіе мы называемъ рожденіемъ; слово тоже рождается вмѣстѣ съ понятіемъ, а не отыскивается для него“ ²⁾. „Мысль и языкъ внутренно тождественны“; „мысль только въ словѣ образуется

¹⁾ См. Steinthal Gr. L. u. Ps. § 14.

²⁾ Das Wort. Steinthal Gr. L. u. Ps. § 24.

и усовершенствуется, потому-что предметы чувственного воззрѣнія только тогда *становятся понятіями*, когда превращены въ предметы духовнаго воззрѣнія и въ словѣ противопоставлены мысли¹⁾. Очевидно, что если понятіе рождается вмѣстѣ съ словомъ, или образуется только посредствомъ него, то не можетъ въ тоже время служить возбужденіемъ (Reiz) органовъ слова, потому-что, въ противномъ случаѣ мы-бы должны сказать, что и въ дыханіи не воздухъ возбуждаетъ дыхательные органы, а дыханіе возбуждаетъ само себя. Однако мысль, что понятіе образуется только посредствомъ слова, не можетъ быть истиннымъ убѣжденіемъ Беккера. Въ словѣ, по его мнѣнію, мысль воплощается и получаетъ опредѣленность, а между-тѣмъ понятіе гораздо неопредѣленнѣе, безобразнѣе чувственнаго образа, который служить для него матеріаломъ, такъ-что, создавая понятіе, слово должно-бы терять одинъ изъ основныхъ признаковъ своей органичности, именно „проявленіе общей жизни (идеи) въ своихъ частностяхъ“. При томъ есть положительныя реченія, что Беккеръ признавалъ существованіе не только мысли въ зародышѣ, но и понятія, до слова: „Только понятіе *вообще* воплощается въ звукъ съ органическою необходимостью; *выборъ* же того или другого звука, въ которомъ должно воплотиться понятіе, происходитъ съ органическою свободою“²⁾. Стало быть, если даже будемъ помнить, что, по Беккеру, свобода тождественна съ необходимостью; то на основаніи одного слова *выборъ*, предполагающаго существованіе понятія до слова, мы должны заключить, что Беккеръ можетъ себя представить только сознательное изобрѣтеніе языка, а не его „рожденіе“, что не смотря на всѣ усилія видѣть вездѣ необходимость, онъ видитъ только произволъ. Новое слово *организмъ* прикрываетъ у него только бития-перебитыя еще въ прошломъ вѣкѣ понятія. Отношеніе двухъ различаемыхъ имъ сторонъ языка: логической (мысли) и фонетической (звука)—чисто внѣшнее; единство мысли и звука въ словѣ, подобное, по его мнѣнію, единству духа и тѣла въ человѣкѣ, на самомъ дѣлѣ понимается имъ, какъ случайная связь слова съ обозначающимъ его письменнымъ знакомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ довольно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ того, какъ понимаетъ Беккеръ отношеніе содержанія словъ къ ихъ звукамъ въ такъ-называемыхъ имъ глагольныхъ корняхъ и грамматическихъ формахъ.

1) Org. der. Sprache § 4.

2) St. Gr. L. u. Ps. § 15.

1. Глагольные корни. Оставя въ сторонѣ всѣ логическія беззаконія, совершенныя Беккеромъ, по поводу верховныхъ противоположностей дѣятельности и бытія, съ которыхъ идея міра начинать свое воплощеніе и обособленіе, и по поводу отношенія развитія природы къ развитію человѣческаго ума ¹⁾, мы согласимся, что „совокупность понятій, выраженныхъ въ языкѣ... есть продуктъ органическаго развитія разнообразія изъ единства“. Высшее основное понятіе, изъ котораго въ умѣ человѣка выдѣляются всѣ остальные, есть понятіе дѣятельности въ ея чувственномъ проявленіи, т. е. движенія; самое понятіе бытія, по чувству вѣдѣнія, является производнымъ, хотя оно, какъ органическая противоположность движенія, должно-бы было самостоятельно, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, вытекать изъ общаго высшаго начала. Главное родовое понятіе „органически“, посредствомъ разложенія на противоположности, развиваетъ изъ себя свои ближайшія видовыя понятія, эти такимъ-же путемъ дробятся на свои виды и т. д. Самая общая противоположность въ понятіи чувственного движенія есть противоположность дѣятельнаго (движущагося) бытія и объективнаго отношенія.

Понятіе движущагося бытія дѣлится на противоположныя понятія движенія живыхъ существъ и движенія стихій природы, влияющихъ на эти существа. Движеніе живыхъ существъ или обращено наружу, что обозначено у Беккера словомъ ходить, или-же есть движеніе внутреннее, обращенное на самый организмъ, въ немъ самомъ заключенное, и обозначаемое словомъ рости. Въ движеніи стихій различаются движенія свѣта и звука (свѣтить и звучать), воздуха и воды (вѣять и течь), соотвѣтствующія четыремъ чувствамъ: зрѣнію и слуху, обонянію и вкусу ²⁾.

Понятіями объективнаго отношенія называетъ Беккеръ понятія дѣйствія, направленного на извѣстный предметъ и немыслимыя безъ этого направленія. Здѣсь—три пары противоположностей: давать и брать, взять и рѣшить, разрушить (дѣйствіе враждебное) и покрывать (защищать, охранять).

Полученныя такимъ путемъ двѣнадцать „кардинальных“ понятій, въ свою очередь, дѣлятся на свои частныя, между коими не видно даже и противоположностей, и которыя поэтому не имѣютъ между собою ужъ ровно никакой связи.

¹⁾ См. Steinthal, Gr. L. u. Ps. § 33, 34.

²⁾ „Нѣтъ особаго рода движенія, соотвѣтствующаго осязанію, потому-что этому чувству подлежатъ массы, которыя сами не движутся, а только приводятся въ движеніе“. Org. der. Spr. 75.

Понятія предметовъ и дѣйствій, неподлежащихъ чувствамъ, не имѣютъ въ языкѣ непосредственнаго выраженія и обозначаются или своими чувственными признаками (греч. λέγω, говорю, потомъ—думаю) или своими чувственными подобіями (Gegenbilder), какъ напр. *видать*—отъ *видѣть* ¹⁾.

Еслибы фраза о единствѣ мысли и звука въ словѣ имѣла смыслъ въ глазахъ самого Беккера, то онъ долженъ-бы былъ стараться доказать, что всякой степени разложенія верховнаго понятія соотвѣтствуетъ извѣстная степень умноженія звуковыхъ формъ для частныхъ понятій; подобно нѣкоторымъ филологамъ стараго времени ²⁾, онъ долженъ-бы выводилъ не только содержаніе языка изъ одного всеобъемлющаго понятія, но и всѣ корни его изъ одного общаго корня. Но это была-бы очевидная нелѣпость, а потому Беккеръ говоритъ слѣдующее: „Понятіе движенія никогда не представляется чувственному воззрѣнію въ своей отвлеченной всеобщности, но всегда въ своей конкретной особености, какъ движеніе птицы, камня, рѣки ³⁾; такъ и въ языкѣ единое основное понятіе не можетъ выражаться однимъ кореннымъ словомъ, но уже съ *самого начала* обозначается разными словами“ ⁴⁾. „Тѣмъ не менѣе, если несомнѣнно, что безконечное разнообразіе понятій въ германскихъ языкахъ развилось изъ понятій, выраженныхъ только 462 глагольными корнями (по Гримму), то это не меньшее чудо, чѣмъ то, что понятія, выраженные 462 глаголами, развились изъ двѣнадцати кардинальныхъ понятій“ ⁵⁾, т. е. если мы вѣримъ Гримму, то должны вѣрить и Беккеру, забывая ту разницу между этими двумя учеными, что первый доказываетъ, а второй—нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что по мнѣнію самого Беккера, исходная точка языка—это 462 (или сколько-бы то ни было, но все-таки много) корня, а исходная точка „естественной системы“ понятій—одно верховное понятіе дѣятельности и 12 выведенныхъ изъ него меньшихъ. Изъ этого различія исходныхъ точекъ видно уже, что языку нѣтъ дѣла до этой системы. Самъ Беккеръ очень удовлетворительно доказываетъ это

¹⁾ Org. d. Spr. § 26.

²⁾ См. указаніе на Фосса и Пассова въ Griechische Etymologie v. G. Curtius 79—80.

³⁾ Но такъ-какъ умственное развитіе начинается съ чувственнаго воспріятія, то представленная Беккеромъ система дифференцірованія понятій не имѣетъ ничего общаго съ ходомъ развитія человѣческой мысли.

⁴⁾ Org. d. Spr. § 26.

⁵⁾ Ib.

слѣдующимъ: метафизическая (или какъ-бы ее ни назвать) система понятій должна быть во всемъ обязательна для всѣхъ языковъ; но на дѣлѣ она не годится даже для одного вѣмецкаго, потому-что не только въ разныхъ языкахъ, но и въ одномъ и томъ-же извѣстное понятіе, напр. *жить*, относится къ различнымъ классамъ (напр. къ классу *идти*, или *взять*, или *свѣтить—горѣть*)¹⁾. Слѣдовательно, и въ самой системѣ, и отношеніи ея къ звукамъ—произволь. Звуки для Беккера сами по себѣ, а значеніе само по себѣ; никто не найдетъ ни малѣйшаго соотвѣтствія между его дѣленіемъ понятій (см. выше) и дѣленіемъ корней на корни изъ одной гласной, изъ гласной съ согласною к, т, п... изъ согласной к, т, п..., съ гласною и т. д. Въ языкахъ есть система, есть правильность (но не топорная симметричность), въ постепенномъ развитіи содержанія, но отыскивается она не апіорическими построеніями. „Въ этимологін, говоритъ Поттъ, рѣшительно нельзя принять никакого другаго распределенія словъ (Anordnungs-princip), кромѣ генеалогическаго сродства“²⁾.

2. *Формы.* Чтобы показать, что и въ грамматическихъ формахъ слова Беккеръ можетъ себѣ представить только внѣшнее и случайное отношеніе мысли и звука, начнемъ съ часто имъ высказываемаго утвержденія, что „языкъ есть только воплощеніе мысли“. Формы мысли, т. е. понятій и ихъ сочетаній, разсматриваются въ логикѣ; но эти формы проявляются въ грамматическихъ отношеніяхъ словъ; поэтому грамматика, изслѣдованію коей подлежатъ эти отношенія, „находится во внутренней связи“³⁾, т. е., говоря точнѣе, главною своею стороною тождественна съ логикой⁴⁾. Въ доказательство мысли, которою переполнена вся книга Беккера, именно, что языкъ есть воплощеніе только общечеловѣческихъ формъ мысли, укажемъ только на слѣдующее. Въ языкѣ Беккеръ видитъ два рода формъ: а) выраженія взаимнаго отношенія понятій, посредствомъ коего или частное подчиняется общему, или наоборотъ (какъ въ отношеніяхъ подлежащаго къ сказуемому, опредѣлительнаго къ опредѣляемому, дополнительнаго къ дополняемому); б) выраженія отношенія понятій къ категоріямъ бытія и дѣятельности, времени и пространства, дѣйствительности или недѣйствительности, возможности, необходимости, величины, т. е. выраженія лица, числа, времени, наклоненія.

¹⁾ Cp. Org. d. Spr. 79.

²⁾ Pott. Die Ungleichheit menschlicher Rassen 213.

³⁾ Org. d. Spr. § 10.

⁴⁾ Ib. § 47.

Логика одна и однѣ формы мысли для всѣхъ народовъ; поэтому и языки, органическія воплощенія мысли, должны-бы различаться между собою только по звукамъ, а не по значенію своихъ формъ, должна существовать одна грамматика (философская, какъ ее называли встарину), равно обязательная для всѣхъ языковъ ¹⁾. Но въ дѣйствительности, одни языки богаче формами, другіе—бѣднѣе и это Беккеръ объясняетъ такимъ-образомъ: „формы выраженія условлены фонетическимъ развитіемъ языка; поэтому отношенія во всѣхъ языкахъ различаемыя въ мысли, не во всѣхъ изображаются звуковыми формами, имъ исключительно принадлежащими. Такъ всѣ языки различаютъ отношенія, которыя мы (т. е. нѣмцы) обозначаемъ сослагательнымъ и условнымъ наклоненіями, но языки славянскіе и семитическіе не имѣютъ для нихъ особыхъ формъ, точно такъ и отношенія сказуемаго ко времени, и дополнительныя объективныя отношенія конечно одинаково различаются всѣми языками, но въ одномъ языкѣ бываетъ больше временъ и падежей, чѣмъ въ другомъ ²⁾. Совершенное отсутствіе флексій въ китайскомъ языкѣ Беккеръ признаетъ явленіемъ *неорганическимъ*, изслѣдованіе коего можетъ принести языкознанію только такую пользу, какую физиологін—изслѣдованіе уродливости организмовъ ³⁾. Но можно, умножая число случаевъ, въ которыхъ и совершеннѣйшіе языки не подходятъ подъ одну норму, дойти до того, что не останется въ языкѣ ничего нормального. Напр. если положимъ, что самое со гласное съ логикою число падежей—это 2 прямыхъ (именительный и звательный) и 3 косвенныхъ (винит., род., дат.), какъ въ греческомъ; то не только языки вовсе неимѣющіе падежей, но латинскій со своими шестью, славянскій съ семью, санскритскій съ восемью—окажутся уродливыми. Если-же исторія языка покажетъ намъ, что и въ языкѣ съ пятью падежами прежде ихъ было больше или меньше, то и этотъ представится намъ законнымъ воплощеніемъ мысли только въ одинъ моментъ своей жизни.

Удерживаемъ предположеніе, что число *мыслимыхъ* отношеній остается неизмѣннымъ, и что измѣняются только звуки: тогда будетъ непонятно, какимъ образомъ, звуки иногда (т. е. лучше сказать всегда) освобождаются отъ законовъ мысли, развиваются самостоятельно, и даже обнаруживаютъ вліяніе на логическую стихію

¹⁾ Or. d. Spr. Vorrede zur 2-tem Ausg. XVIII.

²⁾ Org. d. Spr. Vorrede zur 2-tem Ausg. XVIII § 49.

³⁾ Org. d. Spr. Vorrede zur 2-tem Ausg. XVIII § 9.

слова ¹⁾; будетъ непонятно, какими законами управляются эти звуковыя измѣненія, создающія или уничтожающія флексіи, если они не подчинены мысли, которую одну только долженъ-бы выражать языкъ; но совершенно ясно будетъ, что Беккеръ не можетъ себѣ представить другихъ отношеній между стихіями слова, кромѣ случайныхъ. Мысль, по его взгляду, носится надъ словомъ, но не воплощается въ немъ; она вполне развита сама по себѣ, и звукъ слова для нея только роскошь, а не необходимость. Начавши съ полнаго отрицанія теоріи произвольнаго созданія языка, Беккеръ подъ конецъ невольно сошелся съ нею въ результатахъ, принявъ независимость слова отъ мысли и философскую грамматику. Онъ на словахъ только уважаетъ историческое и сравнительное языкознаніе, на дѣлѣ-же видитъ въ языкѣ *логическую* сторону, при дѣйствительномъ существованіи коей сравненіе языковъ было-бы бесплодно, и ее только считаетъ достойною изученія.

Ошибки Беккера были-бы для насъ весьма мало поучительны, еслибы не опредѣлялись до значительной степени тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ себя ставитъ, принимая за исходную точку сравненіе языка съ непосредственными созданіями природы. Непрестанное движеніе языка и его связь съ тѣмъ, что называется свободою воли, свойства, о которыхъ Беккеръ не упоминаетъ, но которыя не могли быть устранены изъ теоріи, отбросили его мысль на старые пути, которые онъ оставилъ было за собою. Почти та же исторія повторилась и съ довольно извѣстнымъ лингвистомъ, Шлейхеромъ.

Шлейхеръ тоже начинаетъ съ положенія, что мысль безъ языка, какъ духъ безъ тѣла, быть не можетъ ²⁾; но вслѣдъ за тѣмъ противорѣчитъ себѣ, утверждая, что отношенія понятій, дѣйствительно существующія въ мысли, могутъ не выражаться звуками. Эта мысль предполагается его дѣленіемъ языковъ. Слово языковъ *односложныхъ*, какъ китайскій, невыражающихъ звуками отношеній, есть „строга недѣлимая единица, какъ въ природѣ *кристаллъ*“. Слово языковъ *приставочныхъ*, грубо выражающихъ отношеніе самостоятельными словами, приставляемыми къ неизмѣнному корню, есть скорѣе почва для другихъ недѣлимыхъ, чѣмъ субъективное единство членовъ, какъ въ природѣ *растеніе*. Въ языкахъ *флексирующихъ*, каковы индо-европейскіе, въ коихъ отношеніе выражается окончаніемъ, неимѣющимъ самостоятельнаго бытія, и измѣненіями корня, слово есть опять единство, какъ въ односложныхъ,

¹⁾ Org. d. Spr. Vorrede zur 2-ten Ausg. XVIII.

²⁾ Schleicher, Die Sprachen Europas Bonn. 1850.

но уже единство въ разнообразіи членовъ, какъ въ *природѣ животный организмъ* ¹⁾.

Строеніе совершеннѣйшихъ языковъ, флектирующихъ, показываетъ, что они были нѣкогда односложными и приставочными: члены системы наличныхъ языковъ суть представители смѣнявшихъ другъ друга періодовъ жизни языка. Но языкъ имѣетъ исторію только въ томъ смыслѣ, въ какомъ имѣетъ ее растеніе и животное ²⁾, а не въ томъ, въ какомъ существенный признакъ исторіи есть свобода. Жизнь языка не есть непрерывный прогрессъ. Въ историческія времена замѣчаемъ только паденіе языковъ, такъ-что напр. латинскій языкъ гораздо богаче формами, чѣмъ происшедшіе отъ него романскіе; поэтому восходящее движеніе языка, о которомъ—выше, должно быть отнесено ко временамъ доисторическимъ. „*Исторія и языкъ* (т. е. его созданіе и усовершенствованіе)—*это смѣняющія другъ друга дѣятельности человеческого духа*“. „Что въ исторіи земнаго шара дочеловѣческой періодъ, то въ исторіи человѣка доисторическій: въ первомъ недоставало самосознанія (т. е. человѣка), во второмъ—его свободы; въ первомъ духъ ³⁾ былъ связанъ въ природѣ, въ послѣднемъ—въ звукѣ, отчего тамъ созданіе царства природы, а здѣсь—царства звуковъ. Въ нашемъ-же періодѣ духъ міра сосредоточился въ человѣкѣ, а духъ человѣческой оставилъ звуки, освободился отъ нихъ. Могущественно-дѣятельная, преизобилующая творческою силою природа прежнихъ періодовъ міра теперь низошла до воспроизведенія, и не создаетъ уже ничего новаго послѣ того, какъ духъ міра дошелъ до сознанія въ человѣкѣ; подобнымъ образомъ и духъ человѣческой, дошедши до сознанія ⁴⁾ въ исторіи, потерялъ свою производительность въ создаваніи своего конкретного образа—языка. Съ-тѣхъ-поръ поколѣнія языковъ только воспроизводятся, выражаясь все болѣе и болѣе“ ⁵⁾.

Здѣсь заключено и другое положеніе, именно, что „*исторія и исторія языка находятся въ обратномъ отношеніи*“. „Чѣмъ свободнѣе духъ раскрывается въ исторіи (т. е. чѣмъ богаче событіями жизнь народа, чѣмъ больше въ ней движенія), тѣмъ болѣе оставляетъ онъ звуки, вслѣдствіе чего стираются флексіи, от-

¹⁾ Schleicher, ib. 7—9.

²⁾ Schleicher, ib. 11.

³⁾ Т. е. „Der Weltgeist“, который въ природѣ проявляется въ своемъ „Anders-sein“ (инобытіи), а въ человѣкѣ—въ своемъ „Ansich“.

⁴⁾ „Seitdem der Menschengestalt... zu sich kam“.

⁵⁾ Ib. 11—12.

дѣльные звуки теряютъ свое значеніе и подпадаютъ дѣйствию физическихъ законовъ органовъ слова, разлагающихъ оставленный творческимъ духомъ организмъ слова, подобно тому, какъ химическіе законы разлагаютъ мертвый растительный или животный организмъ¹⁾. Такъ потери въ языкахъ народовъ романскаго и германскаго племени несравненно значительнѣе, чѣмъ въ славянскихъ и литовскомъ¹⁾.

Положимъ, что духъ міра сосредоточился въ человѣкѣ, но тѣмъ не менѣе продолжаетъ жить и природа; точно такъ, хотя духъ человѣческій теперь развивается въ исторіи, но и первое его созданіе языкъ—не есть еще мертвое тѣло. Два періода жизни человѣческаго духа: доисторическій—несвободный, и историческій—свободный, должны, поѣтому, существовать и теперь, какъ двѣ совмѣстныя, хотя несовмѣстимыя, его стороны. Признаніе этого заключается въ томъ, что, по мнѣнію Шлейхера, языкъ въ теперешнемъ своемъ видѣ есть предметъ двухъ противоположныхъ по характеру наукъ: филологіи и лингвистики. Первая смотритъ на языкъ, какъ на средство проникнуть въ духовную жизнь народа, находитъ содержаніе только тамъ, гдѣ есть литература, имѣетъ дѣло съ исторіею, которая начинается съ появленія свободной человѣческой воли, и, по самымъ приѣмамъ, есть наука *историческая*; вторая занимается языкомъ, ради его самого, не имѣетъ прямого отношенія къ исторической жизни народа, возможна и тамъ, гдѣ нѣтъ письменности, и даже по приѣмамъ (непосредственное наблюденіе, сравненіе, классификація по родамъ, видамъ, семействамъ) есть наука *естественная*. То въ языкѣ, что вытекаетъ изъ „естественной природы человѣка“²⁾ и не подлежитъ произволу, именно формы, вполне относятся къ лингвистикѣ; синтаксисъ, болѣе зависимый отъ личной мысли и воли, склоняется на сторону филологіи; слогъ, опредѣляемый волею отдѣльнаго лица безъ раздѣла, принадлежитъ послѣдней³⁾.

Во всѣхъ изложенныхъ здѣсь взглядахъ Шлейхера проглядываетъ незамѣченное имъ отсутствіе единства въ построеніи.

Во первыхъ, ложное пониманіе связи между словомъ и мыслью обнаруживается въ противопоставленіи сознанія и языка, даетъ мѣсто утвержденію, что отношенія, находясь въ мысли, могутъ не выражаться словомъ. Это могло-бы прямо повести ко мнѣніямъ XVIII в., къ отождествленію грамматики съ логикой и признанію произвола въ языкѣ: мысль можетъ-быть выражена, чѣмъ попало;

¹⁾ Ib. 15—16.

²⁾ „Aus dem natürlichen Wesen des M.“.

³⁾ Ib. 1—4, 21.

логическія формы неизмѣнны, а потому должна быть одна только наука о языкѣ, именно общая грамматика, „философское понятіе всего человѣческаго слова“ (Ломоносовъ). Разница между Беккеромъ и Шлейхеромъ та, что сочувствіемъ послѣдняго пользуется не логика, а лингвистика, которая впрочемъ легко можетъ-быть приминена съ общею грамматикою, потому-что на свою долю оставляетъ только звуки. Что-же, кромѣ звуковыхъ измѣненій, можетъ быть содержаніемъ Шлейхеровой лингвистики, если отношенія понятій существуютъ независимо отъ своего выраженія въ языкѣ? Какая разница, кромѣ чисто внѣшней, звуковой, между приставочными и флектирующими языками, если и въ тѣхъ и другихъ—то-же единство мысли, въ которой понятія невозможны безъ своихъ отношеній?

Во вторыхъ, не говоря уже о томъ, что „созданіе царства звуковъ“ при вышеупомянутомъ предположеніи не имѣетъ цѣли, двойственность въ творчествѣ человѣческаго духа, которая повидимому, нужна для поддержки сравненія языка съ растительнымъ и животнымъ организмомъ, опровергается самимъ Шлейхеромъ. Въ синтаксисѣ и слогѣ, входящихъ, по его словамъ, въ кругъ предметовъ филологіи, есть свобода; но „строеніе предположенія и весь характеръ языка“ (а слѣдовательно и слогъ) „зависитъ отъ того, какъ выражается звуками понятіе (Bedeutung) и отношеніе, отъ словообразованія“, принимаемого не только въ смыслѣ образованія корней и темъ, но и частей рѣчи, склоненій, спряженій ¹⁾: слѣдовательно необходимость будетъ тамъ, гдѣ Шлейхеръ видитъ свободу. Наоборотъ, совершенно несправедливо, будто „на языкѣ, какъ предметъ лингвистики, также невозможно вліяніе произвола, какъ невозможно соловью помѣняться пѣснію съ жаворонкомъ“ ²⁾: говорить-же люди на чужихъ языкахъ. Гегелевское опредѣленіе историческаго развитія, какъ „прогресса въ сознаніи свободы“, которое, какъ кажется, было въ виду у Шлейхера, понимаютъ не такъ, какъ Шлейхеръ, для котораго сознаніе и свобода противоположны необходимости, а такъ, что свобода есть необходимое знаніе неуклонныхъ законовъ духа ³⁾. Съ такой точки двойственность въ человѣческомъ духѣ, противоположность между доисторическою и историческою его дѣятельностію, должны быть устранены. Этимъ уничтожится двойственность въ языкѣ, а вмѣстѣ и возможность сравнивать его съ кристалломъ или растеніемъ.

¹⁾ Schleich. ib. 6—7.

²⁾ Schleich. ib. 2.

³⁾ Kuno-Fischer, Gesch. der Philos. I. 38.

III. В. Гумбольтъ.

Приведенныя теоріи представляютъ между собою болѣе мнѣмое, чѣмъ дѣйствительное различіе. Ихъ ошибки, которыя уничтожаютъ всякую возможность научнаго изслѣдованія вопроса о происхожденіи языка, и задавили-бы въ самомъ зародышѣ историческое и сравнительное языкознаніе, еслибы умъ человѣческій не имѣлъ счастливой способности не замѣчать до поры противорѣчія новыхъ данныхъ старымъ теоріямъ, ихъ ошибки могутъ быть сведены къ одной, именно къ совершенному непониманію прогресса. Для теоріи намѣреннаго изобрѣтенія прогресса языка невозможенъ, потому-что имѣть мѣсто только тогда, когда уже не нуженъ; для теоріи божественнаго происхожденія—прогрессъ долженъ быть регрессомъ, для Беккера и Шлейхера онъ можетъ существовать развѣ въ движеніи звуковъ. Всѣ упомянутыя теоріи смотрятъ на языкъ, какъ на готовую уже вещь (ѣргов), и потому не могутъ понять, откуда онъ взялся. Съ этимъ согласно ихъ стремленіе отождествлять грамматику и вообще языкознаніе съ логикой, которой тоже чуждо начало изслѣдованія историческаго хода мысли ¹⁾.

Въ непониманіи движенія языка заключены и остальные ошибки, именно мнѣніе, что мысль создаетъ слово, но въ свою очередь не получаетъ отъ него ничего, и что вслѣдствіе этого въ языкѣ господ-

¹⁾ Изъ многихъ доказательствъ, убѣждающихъ въ совершенномъ различіи логики и языкознанія (Steinthal. Gram. Log. и Psych. 145—224), мы приведемъ здѣсь только опредѣленіе логики, согласно со взглядомъ одного изъ глубочайшихъ мыслителей нашего вѣка, Гербарта (ср. Herbart Lehrbuch zur Einleitung in die Philos. 4-te Ausg. 19, 51): Логика есть наука объ условіяхъ существованія мысли, независимыхъ отъ ея а) происхожденія и б) содержанія. а) По первому признаку она есть наука гипотетическая; она основана на предположеніи, что *есть* извѣстные понятія, сужденія, заключенія, и принимаетъ эти формы мысли, какъ они ей даны, не доискиваясь ихъ происхожденія, тогда какъ, напротивъ, данныя языкознанія осмысливаются только своею исторіею, и языкознаніе есть наука генетическая. б) Логика спрашиваетъ не о томъ, вѣрна-ли данная ей мысль дѣйствительности, потому-что такой вопросъ, относящійся къ самому содержанію мысли, превратилъ-бы логику, смотря по этому содержанію, въ ботанику, исторію и т. д., а о томъ, вѣрна-ли мысль (какова-бы она ни была) сама по себѣ. Логика, напр., ничего не имѣетъ противъ предразсудка: „карканье ворона предвѣщаетъ несчастье“ и говорить, что это—мысль, мыслимая, заключающая въ себѣ одно

ствуешь произволь. Къ послѣднему заключенію, какъ мы видѣли, невольно приходятъ и поборники органичности языка. Нельзя сказать, чтобы все въ разсмотрѣнныхъ теоріяхъ противорѣчило фактамъ, но въ нихъ не сознаны противорѣчія, живущія въ самихъ фактахъ. Это будетъ видно изъ слѣдующихъ положеній Вильгельма Гумбольта, которыя мы приводимъ здѣсь—не какъ рѣшенія занимающаго насъ вопроса, а какъ указанія на тѣ препятствія, безъ устраненія коихъ невозможно само рѣшеніе ¹⁾).

Языкъ, говоритъ Гумбольтъ, въ сущности есть нѣчто постоянно, въ каждое мгновеніе исчезающее... Онъ есть не *δύλο* (*ἔργον*), не мертвое произведеніе, а дѣятельность (*ἐνέργεια*)“, т. е. самый процессъ производства. Поэтому его истинное опредѣленіе можетъ быть только генетическое: языкъ есть вѣчно повторяющееся усиліе (работа, Arbeit) духа сдѣлать членораздѣльный звукъ выраженіемъ мысли. Это—опредѣленіе не языка, а рѣчи, какъ она каждый разъ произносится (*des jedesmaligen Sprechens*); но собственно говоря, только совокупность такихъ актовъ рѣчи (*des Sprechens*) есть языкъ. Въ безсвязномъ хаосѣ словъ и правилъ, который мы обыкновенно называемъ языкомъ, дѣйствительно есть на лицо только то, что мы каждый разъ произносимъ. При томъ, въ такихъ разрозненныхъ стихахъ не видно самаго высшаго, тончайшаго въ языкѣ, именно того, что можно замѣтить или почувствовать только въ связной рѣчи. Это доказываетъ, что языкъ, въ собственномъ смыслѣ, заключенъ въ самомъ актѣ своего дѣйствительнаго появленія“.

изъ необходимыхъ условій истины; но о сужденіяхъ: „мысль безъ языка невозможна“ и „есть языки, въ которыхъ значительная доля мысли говорящаго ими народа не выражается“ логика скажетъ, что они, вмѣстѣ взятые, не составляютъ мысли. Форма, которой она не нашла въ послѣднемъ случаѣ (равенство *a* самому себѣ), какъ и всѣ логическія формы, до того чужда всякому содержанію, что любое понятіе можетъ быть ея содержаніемъ. Такому формальному характеру логики противоположна реальность языкознанія, для котораго необходимо знать, дѣйствительно-ли существуютъ именно тѣ, а не другіе признаки понятія. Грамматическія формы составляютъ уже извѣстное содержаніе, по отношенію къ формамъ, разсматриваемымъ логикою.

¹⁾ Въ изложеніи антиномій Гумбольта мы слѣдуемъ Штейнталу (см. *Der Ursprung der Sprache* v. Dr. H. Steinthal. 2-te Ausg. Berl. 1858. 61. слѣд. 118 слѣд.). На сочиненіе Гумбольта „*Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues* ect.“ мы ссылаемся по изданію его въ VI т. Собр. Соч. (Wilhelm v. Humboldt's gesammelte Werke).

„Назвать языкъ работою духа (слѣдовательно дѣятельностью) будетъ вполне вѣрно еще и потому, что самое существованіе духа можно себѣ представить только въ дѣятельности и какъ дѣятельность“ ¹⁾.

Но съ другой стороны „отъ языка, въ смыслѣ рѣчи, каждый разъ нами произносимой, слѣдуетъ отличать языкъ, какъ массу произведеній этой рѣчи. Языкъ, во всемъ своемъ объемѣ, заключаетъ въ себѣ все измѣненное имъ въ звуки“, „все стихіи, уже получившія форму“ ²⁾. Въ языкѣ образуется запасъ словъ и система правилъ, посредствомъ коихъ онъ въ теченіе тысячелѣтій становится самостоятельною силою ³⁾. Хотя рѣчь живаго или мертваго языка, изображенная письменами, оживляется только тогда, когда читается и произносится, хотя совокупность словъ и правилъ только въ живой рѣчи становится языкомъ; но какъ эта муміеобразная или окаменѣлая въ письмѣ рѣчь, такъ и грамматика со словаремъ—дѣйствительно существуютъ и языкъ есть столько же дѣятельность, сколько и произведеніе.

Опредѣленіе языка какъ работы духа, представляя существеннымъ признакомъ языка движеніе, прогрессъ, возвышаетъ Гумбольта надъ всеми предшествующими теоріями; но оно оставляетъ неяснымъ отношеніе слова къ мысли. Эта неясность уничтожается слѣдующимъ положеніемъ, которое лежитъ въ основаніи новаго направленія, даннаго языкознанію Гумбольтомъ: „языкъ есть органъ, образующій мысль“ ⁴⁾. Объясненіе такого положенія ведетъ къ новымъ важнымъ противорѣчіямъ, которыя, какъ увидимъ, находятся въ связи съ антиноміею дѣятельности и произведенія, и могутъ представиться ея преобразованіями, именно: мысль, дѣятельность вполне внутренняя и субъективная, въ словѣ становится чѣмъ-то внѣшнимъ и осязаемымъ, становится объектомъ, внѣшнимъ предметомъ для себя самой и посредствомъ слуха, уже какъ объектъ, возвращается къ первоначальному своему источнику. Мысль при этомъ не теряетъ своей субъективности, потому что произнесенное мною слово остается моимъ. Только посредствомъ объективированья мысли въ словѣ можетъ изъ низшихъ формъ мысли образоваться понятіе ⁵⁾.

¹⁾ Ueb. d. Versch. 41—2.

²⁾ Ib. 62.

³⁾ Ib. 63.

⁴⁾ Das bildende Organ des Gedankens.

⁵⁾ Ib. 53.

(Необходимыя объясненія того, какимъ образомъ слово производитъ высшія формы мысли, будутъ изложены послѣ; здѣсь мы мо-

Такимъ образомъ, уже при самомъ рожденіи слова, является въ немъ противоположность объективности и субъективности; она связана, какъ увидимъ, съ другою, столь же нераздѣльною съ языкомъ противоположностью рѣчи и пониманія.

Языкъ есть необходимое условіе мысли отдѣльнаго лица, даже въ полномъ уединеніи, потому что понятіе образуется только посредствомъ слова, а безъ понятія невозможно истинное мышленіе. Однако въ дѣйствительности языкъ развивается только въ обществѣ, и при томъ не только потому, что человѣкъ есть всегда часть цѣлаго, къ которому принадлежитъ, именно своего племени, народа, человѣчества не только вслѣдствіе необходимости взаимнаго пониманія, какъ условія возможности общественныхъ предпріятій, но и потому, что человѣкъ понимаетъ самого себя, только испытавши на другихъ людяхъ понятность своихъ словъ¹⁾. Взаимная связь рѣчи и пониманія усиливаетъ противоположность объективности и субъективности: объективность усиливается, когда говорящій слышитъ изъ чужихъ устъ свое собственное слово, а субъективность не только не теряется при этомъ (потому что говорящій всегда чувствуетъ свою однородность, „единство“ съ понимающимъ), но и возвышается, потому что мысль въ словѣ перестаетъ быть исключительною принадлежностью одного лица, отъ чего происходитъ, такъ сказать, расширение субъекта. Личная мысль, становясь достояніемъ другихъ, примыкаетъ къ тому, что обще всему человѣчеству и что въ отдѣльномъ лицѣ существуетъ какъ видоизмѣненіе (Modification), требующее дополненія со стороны другихъ лицъ; всякая рѣчь, начиная съ простѣйшей, связываетъ (ist ein Anknüpfen) личныя ощущенія съ общею природою человѣчества“, такъ что рѣчь и пониманіе есть вмѣстѣ и противоположность частнаго и общаго. „То, что дѣлаетъ языкъ необходимымъ, при простѣйшемъ актѣ образованія мысли, непрерывно повторяется и во всей духовной жизни человѣка. Для дѣятельности мысли (Denkkraft), необходимо нѣчто съ нею одинаковое, и все же отличное отъ нея; одинаковымъ она возбуждается, на отличномъ — извѣдываетъ вѣрность, существенность своихъ произведеній. Хотя основы познанія истины, того, что безусловно прочно, могутъ заключаться для человѣка только въ немъ самомъ, но его порывы къ истинѣ окружены опасностями заблужденій. Ясно и непосредственно сознавая только свою измѣнчивую ограниченность, человѣкъ принужденъ даже думать только сказать, что взглядъ Гумбольта вполне подтверждается позднѣйшими психологическими изслѣдованіями.

¹⁾ Ib. 30, 54.

мать, что истина не въ немъ, а гдѣ-то внѣ его: но одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ ней приблизиться, измѣрить свое разстояніе отъ нея, есть взаимное сообщеніе мысли", т. е. сравненіе личной мысли съ общою, принадлежащею всѣмъ, возможное только посредствомъ рѣчи и пониманія, есть лучшее средство достиженія объективности мысли, т. е. истины.

Изъ соотвѣстствія антиномій рѣчи и пониманія съ одной стороны, и субъективнаго и объективнаго съ другой—не слѣдуетъ, что рѣчь субъективна и самодѣтельна, а пониманіе—объективно и страдательно". Все, что ни есть въ душѣ, можетъ быть добыто только ея собственною дѣятельностью; рѣчь и пониманіе—только различныя проявленія (Wirkungen) одной и той же способности рѣчи (Sprachkraft). Размѣвъ рѣчи и пониманія не есть передача даннаго содержанія (съ рукъ на руки): въ понимающемъ какъ и въ говорящемъ это содержаніе должно развиваться изъ собственной внутренней силы; все, что получаетъ первый, состоитъ только въ гармонически настраивающемъ его возбужденіи" (со стороны говорящаго) ¹⁾.

Если со стороны противоположности рѣчи и пониманія, языкъ является посредникомъ между людьми и содѣйствуетъ достиженію истины въ чисто субъективномъ кругу человѣческой мысли, то съ другой стороны онъ служить среднимъ звеномъ между міромъ познаваемыхъ предметовъ и познающимъ лицомъ, и въ этомъ смыслѣ совмѣщаетъ въ себѣ объективность и субъективность. „Совокупность познаваемого лежитъ внѣ языка; человѣкъ можетъ приблизиться къ этой чисто объективной области не иначе, какъ своими средствами познанія и чувствованія, слѣдовательно только субъективнымъ путемъ", т. е. посредствомъ языка. Языкъ, это средство не столько выражать уже готовую истину, сколько—открывать прежде неизвѣстную, по отношенію къ познающему лицу, есть нѣчто объективное, по отношенію къ познаваемому міру—субъективное. Что до перваго, то „всякій языкъ есть отзвукъ (Anklang) общей природы человѣка; хотя даже совокупность (содержаніе, сущность, Inbegriff) всѣхъ языковъ извѣстнаго времени не можетъ стать полнымъ впечатломъ субъективности человѣчества, но всѣ они постоянно приближаются къ этой цѣли; субъективность же всего человѣчества становится опять сама по себѣ чѣмъ-то объективнымъ" ²⁾. Что касается до субъективности языка по отношенію къ познаваемому, то она

¹⁾ Ib. 54—5.

²⁾ W. Humb. Gesam. W. III Ueb. das vergl. Sprachst. 263.

еще болѣе очевидна, и эмпирически доказывается тѣмъ, что содержаніе слова (напр. *дерево*) во всякомъ случаѣ не равняется даже самому бѣдному понятію о предметѣ, и тѣмъ болѣе неисчерпаемому множеству свойствъ самого предмета. Объясненіе въ слѣдующемъ. Слово образуется изъ субъективнаго воспріятія и есть отпечатокъ не самого предмета, а его отраженія въ душѣ. „Такъ какъ во всякомъ объективномъ воспріятіи есть примѣсъ субъективнаго, то отдѣльную человѣческую личность, даже независимо отъ языка, можно считать особою точкою зрѣнія на міръ“. Такой взглядъ будетъ еще основательнѣе, если возьмемъ во вниманіе и языкъ, „потому что слово, объективируя мысль о предметѣ, вноситъ въ нее новую особенность“. (Ниже мы постараемся представить объясненіе этой двойной субъективности слова, сравнительно съ чувственнымъ воспріятіемъ). „Какъ отдѣльное слово становится между человѣкомъ и предметомъ, такъ весь языкъ (какъ міросозерцаніе высшей единицы, народа) между человѣкомъ и дѣйствующею на него природою. Человѣкъ окружаетъ себя міромъ звуковъ для того, чтобы воспринять и переработать въ себѣ міръ предметовъ. Въ этихъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія. Такъ какъ чувство и дѣятельность человѣка зависятъ отъ представлений, а представления—отъ языка; то всѣ вообще отношенія человѣка ко внѣшнимъ предметамъ обусловлены тѣмъ, какъ эти предметы представляются ему въ языкѣ. Человѣкъ высовывая изъ себя языкъ, тѣмъ же актомъ вплетаетъ себя въ его ткань; каждый народъ обведенъ кругомъ своего языка, и выйти изъ этого круга можетъ только, перешедши въ другой“ ¹⁾).

Такъ понимаемая антиномія субъективности и объективности видна не только въ томъ, что языкъ вообще служить посредникомъ между лицомъ и міромъ, но и въ томъ, какъ именно онъ усваиваетъ человѣку этотъ міръ: въ пестромъ разнообразіи чувственныхъ впечатлѣній мысль открываетъ законность, согласную съ формами нашего духа, и связанное съ нею обаяніе внѣшней красоты. „Созвучія съ тѣмъ и другимъ встрѣчаемъ и въ языкѣ. Вступая въ міръ звуковъ языка, мы въ то-же время не оставляемъ дѣйствительно насъ окружающаго міра (такъ-что въ законности и красотѣ языка опять сходятся противоположности субъекта и объекта). Законность въ языкѣ, субъективное состояніе духа, сходное съ законностью въ природѣ, возбуждая высшія и благороднѣйшія силы человѣка, приближаетъ его къ пониманію формальнаго впечатлѣнія при-

¹⁾ Ueb. die Verschied. 59—60.

роды, которая тоже (т. е. какъ и языкъ) можетъ представляться только развитіемъ духовныхъ силъ“. Подобнымъ образомъ „языкъ, посредствомъ свойственной сочетаніямъ звуковъ ритмической и музыкальной формы, возвышаетъ и эстетическое впечатлѣніе (Schönheitseindruck) природы, перенося его въ другую (т. е. субъективную) область; но дѣйствуетъ и независимо отъ этого впечатлѣнія, извѣстнымъ-образомъ настраивая душу однимъ теченіемъ рѣчи“ ¹⁾.

Объективность (согласіе мысли съ ея предметомъ) остается постоянною цѣлью усилій человѣка. Прежде всего человѣкъ приближается къ этой цѣли субъективнымъ путемъ языка, потомъ—онъ старается выдѣлить и эту субъективность и по возможности освободить отъ нея предметъ, хотя-бы даже замѣняя ее на другую, т. е. личную“ ²⁾. Такая замѣна, независимо отъ своей конечной цѣли, есть уже великое дѣло языка, потому что она ведетъ не только къ познанію міра, но и самого себя. То и другое находится во взаимной зависимости.

Переходимъ къ антиноміямъ свободы и необходимости недѣлимаго и народа. „Выше мы видѣли, что мысль въ языкѣ становится объектомъ для души, и въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ на нее, какъ нѣчто постороннее. Мы разсматривали однако объектъ, со стороны его происхожденія отъ субъекта, а его дѣйствіе на душу—какъ возвратное дѣйствіе души на себя; теперь переходимъ къ противоположной точкѣ зрѣнія, по которой языкъ есть дѣйствительно предметъ посторонній для души, а его дѣйствіе исходить не изъ того, на что обращено“ ³⁾.

„Если сообразимъ, какъ стѣснительно дѣйствуетъ на каждое поколѣніе все то, что испыталъ языкъ въ предшествующія столѣтія, и какъ только сила отдѣльныхъ поколѣній (и то не цѣликомъ взятыхъ, потому-что поколѣніе нарастающее и отживающее смѣшаны) соприкасается съ этимъ прошедшимъ языка; то будетъ ясно, какъ ничтожна сила отдѣльныхъ лицъ при могуществѣ языка... „Созданіе никогда дотолѣ неслышанныхъ словъ (Lautzeichen) можно предположить только при началѣ языка (т. е. жизни человѣчества), выходящимъ за предѣлы наблюденія. На памяти исторіи человѣкъ всегда строилъ языкъ на данномъ уже основаніи; не выходя изъ предѣловъ аналогіи съ прошедшимъ, онъ видоизмѣнялъ слова въ употребленіи, а

¹⁾ Ib. 61—2.

²⁾ Т. III, 263—4.

³⁾ Ib. 63.

не изобрѣталъ ихъ“ ¹⁾. Въ языкѣ, живѣ чѣмъ гдѣ-либо каждый человекъ чувствуетъ себя только эманациею (ein Ausfluss) всего человеческого рода. Тѣмъ не менѣе такъ-какъ каждое лицо порознь и при томъ непрерывно дѣйствуетъ на языкъ, то каждое поколѣніе измѣняетъ его если не въ словахъ и формахъ, то въ ихъ употребленіи. „Воздѣйствіе недѣлимаго на языкъ уяснится намъ, если возьмемъ во вниманіе, что индивидуальность языка—только относительная, что истинная индивидуальность заключена только въ лицѣ, говорящемъ въ данное время. Никто не понимаетъ слова именно такъ, какъ другой... Всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ вмѣстѣ разногласіе. Въ томъ, какъ измѣняется языкъ въ каждомъ недѣлимомъ, обнаруживается, въ противоположность указанному выше вліянію языка, власть человека надъ нимъ... Во вліяніи на человека заключена законность языка и его формъ, въ воздѣйствіи человека—принципъ свободы, потому что въ человекѣ можетъ зародиться то, чему никакой разумъ не найдетъ причины въ предшествующихъ обстоятельствахъ“ ²⁾. „Свобода сама-по-себѣ неопредѣлима и необъяснима“, но тѣмъ не менѣе ея присутствіе должно быть признано въ языкѣ ³⁾. Противорѣчія, что языкъ чуждъ душѣ и вмѣстѣ принадлежитъ ей, зависеть и не зависеть отъ нея, дѣйствительно соединяются въ языкѣ и составляютъ его особенность. Эти противорѣчія не должны-быть примиряемы тѣмъ, что языкъ отчасти чуждъ душѣ и независимъ отъ нея, а отчасти—нѣтъ. Языкъ именно на столько дѣйствуетъ, какъ объектъ, на столько самостоятеленъ, на сколько создается субъектомъ и зависитъ отъ него. Это потому, что какъ-бы мертвая (принадлежащая прошедшему, подчиняющая себѣ личную свободу) сторона языка, не имѣя нигдѣ, ниже въ письменности, постоянного мѣста, каждый разъ съизнова создается въ мысли, оживаетъ въ рѣчи и пониманіи, слѣдовательно цѣликомъ переходитъ въ субъектъ ⁴⁾.

Говорятъ только отдѣльные лица, и съ этой стороны языкъ есть созданіе недѣлимыхъ; но языкъ какъ дѣятельность этихъ послѣднихъ предполагаетъ не только творчество предшествующихъ поколѣній (котораго не могло-же быть при началѣ языка), въ каждую настоящую минуту онъ принадлежитъ двоимъ: говорящему и понимающему, причѣмъ и говорящій и понимающій представители всего

¹⁾ Humb. Ueb. das vergl. Sprachst. III, 261—2.

²⁾ Ueb. die Versch. 65,—6 Cp. ib. 36.

³⁾ Ib. 66.

⁴⁾ Ib. 63.

устанавливается
и по отношению
къ личности

народа ¹⁾. „Существованіе языковъ доказываетъ, что есть духовныя созданія вовсе не переходящія отъ одного лица ко всѣмъ прочимъ, а возникающія изъ одновременной самодѣятельности всѣхъ. Языки, всегда имѣющіе національную форму, могутъ-быть только непосредственными созданіями народовъ“ ²⁾. „Между строеніемъ языка и успѣхами всѣхъ другихъ родовъ умственной дѣятельности есть неоспоримая связь... „Извѣстныя направленія духа и извѣстная сила его стремленій немислимы до появленія языковъ того, а не другого устройства... и въ этомъ смыслѣ будетъ совершенно справедливо, что созданіе народовъ (языкъ) должно предшествовать созданіямъ недѣлимыхъ, хотя въ свою очередь несомнѣнно, что дѣятельность тѣхъ и другихъ одновременно сливается въ этихъ созданіяхъ“ ³⁾.

Во второмъ членѣ этой *антиноміи недѣлимаго и народа* повторяется вышеизложенная противоположность свободы и необходимости, и это приводитъ къ новому противоположенію и совмѣщенію въ языкѣ *Божественнаго и человѣческаго*.

Въ утвержденіи, что языкъ есть созданіе народовъ, которые слѣдуетъ представлять себѣ *духовными единицами*, есть два члена, взаимное отношеніе коихъ должно-быть опредѣлено, именно *духовныя особенности народа и языкъ*. Съ одной стороны разнообразіе строя языковъ представляется зависимымъ отъ особенностей народнаго духа и должно объясняться ими ⁴⁾, такъ-что языкъ будетъ хотя и народнымъ, но все-же человѣческимъ произведеніемъ. Но съ другой стороны языкъ зарождается въ такой глубинѣ человѣчества, что его нельзя считать собственнымъ созданіемъ народовъ. Въ немъ есть явственная для насъ, хотя въ сущности своей необъяснимая, самодѣятельность, и съ этой точки зрѣнія онъ не есть произведеніе дѣятельности духа, а — произвольная его эманация, не дѣло народовъ, а даръ имъ ⁵⁾. Они употребляютъ языкъ, сами не зная, какъ его образовали... Это не будетъ пустая игра словъ, если скажемъ, что *языкъ* самодѣятельно возникаетъ только изъ самого себя, а *языки* — несвободны (*Gebunden von den Nationen*) и зависимы отъ народовъ,

1) Ср. ib. 63, 35.

2) Ib. 33.

3) Ib. 36—7.

4) ... „Müssen wir als das reale Erklärungsprincip und als den wahren Bestimmungsgrund der Sprachverschiedenheit die geistige Kraft der Nationen ansehen“ 38.

5) „Eine ihnen (den Nationen) durch ihr inneres Geschick zugefallene Gabe. 5.

которымъ принадлежать“ ¹⁾. „Такъ какъ языки неразрывно срощены со внутреннею природою человѣка и скорѣе самодѣтельно вытекаютъ изъ нея, чѣмъ произвольно создаются ею, то на такихъ-же основаніяхъ можно-бы назвать духовную особенность народовъ дѣйствіемъ языковъ (какъ и наоборотъ). Истина—въ томъ и другомъ вмѣстѣ: характеръ народа и особенности его языка вмѣстѣ и во взаимномъ согласіи вытекаютъ изъ неизслѣдимой глубины духа (des Gemüths) ²⁾).

Таковъ дѣйствительно смыслъ утвержденія, что языкъ „божественно-свободенъ и вытекаетъ только изъ самого себя“, потому-что такъ-какъ связь языка съ духомъ несомнѣнна, а между-тѣмъ языкъ не можетъ быть выводимъ изъ духа народнаго, то, очевидно, и языкъ, и духъ, должны имѣть высшее начало, высшее внутреннее единство. Требованіе такого высшаго единства остается только требованіемъ, потому-что самъ изслѣдователь, находя различія въ строеніи языковъ, объясняетъ ихъ только различіемъ народныхъ характеровъ ³⁾, т. е. прямо противорѣчитъ теоретическимъ положеніямъ: если языкъ есть созданіе духа, то онъ, во первыхъ, не самостоятеленъ по отношенію къ послѣднему, связанъ имъ, а не божественно свободенъ; во вторыхъ онъ не нуждается въ единствѣ съ духомъ, но отличенъ отъ него, въ третьихъ происхожденіе языка *отъ* народнаго духа есть чисто-человѣческое.

Усилія Гумбольта удержать не только для прикитики, но и для теоріи человѣческое происхожденіе языка, безуспѣшны. „Если по справедливости языкъ представляется чѣмъ-то высшимъ, чѣмъ-то такимъ, что не можетъ быть, подобно другимъ произведеніямъ духа, дѣломъ человѣческимъ; то это было-бы иначе, если-бы мы встрѣчали духовную силу человѣка не въ однихъ только единичныхъ ея проявленіяхъ, но если-бы мы могли постигнуть глубину ея сущности и связь въ ней всѣхъ человѣческихъ индивидуальностей, связь, на которую указываетъ языкъ ⁴⁾. Но такая душа человѣчества для насъ непостижима; въ духѣ человѣческомъ нельзя себѣ представить ничего выше его самого, ничего такого, изъ чего-бы рядомъ могли вытекать языкъ и духовныя особенности народа: поэтому языкъ есть дѣло божественное, при томъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ могутъ быть названы божественными всѣ про-

¹⁾ Ib. 5—6.

²⁾ Ib. 33.

³⁾ Ib. 38.

⁴⁾ Ib. 38—9.

изведенія, необходимо возникающія изъ свойства человѣческаго духа (напр. поэзія): языку нѣтъ ничего равнаго, кромѣ самого духа; вмѣстѣ съ духомъ онъ возводится къ божественному началу.

Заключительныя противорѣчія единства духа и языка и ихъ раздѣльности, божественности языка и его человѣчности, эти противорѣчія тѣмъ отличаются отъ предшествующихъ, что самъ Гумбольтъ признаетъ ихъ за противорѣчія теоріи и практики; и тѣмъ самымъ заставляетъ считать ихъ слѣдствіемъ ему лично свойственнаго развитія мысли, сырымъ матеріаломъ, котораго онъ не могъ переработать въ научныя положенія.

Крайне ошибочно было-бы сравнивать знаменитыя антиноміи Гумбольта съ невольными и безсознательными логическими ошибками въ родѣ тѣхъ, какія мы видимъ у Беккера. Разница между Гумбольтомъ и Беккеромъ та, что первый—великій мыслитель, который постоянно чувствуетъ, что могучіе порывы его мысли безсильны передъ трудностью задачи, и постоянно останавливается передъ неизвѣстнымъ, а второй въ нѣсколькихъ мелкихъ фразахъ видитъ ключъ ко всѣмъ тайнамъ жизни и языка; первый, заблуждаясь, указываетъ новые пути наукъ, а второй только на себѣ доказываетъ негодность старыхъ. Рѣшить вопросъ о происхожденіи языка и отношеніи его къ мысли, по Беккеру,—значить назвать языкъ организмомъ, по Гумбольту—примирить существующія въ языкѣ противорѣчія рѣчи и пониманія, субъекта и объекта, недѣлимаго и народа, человѣческаго и божественнаго.

Противорѣчіе рѣчи и пониманія разрѣшается для Гумбольта единствомъ человѣческой природы. Какъ рѣчь, такъ и пониманіе не были-бы возможны, сообщеніе посредствомъ слова не было-бы только взаимнымъ возбужденіемъ говорящаго и слушающаго, членораздѣльный звукъ не настраивалъ-бы ихъ гармонически и слушающій не овладѣвалъ-бы смысломъ рѣчи посредствомъ самодѣятельнаго, въ немъ самомъ происходящаго развитія мысли, если-бы различіе отдѣльныхъ лицъ не было только проявленіемъ единства человѣческой природы ¹⁾.

Тѣмъ-же объясняется и противорѣчіе субъекта и объекта, свободы и необходимости. „Въ исходящемъ изъ того, что собственно едино со мною, взаимно переходятъ другъ въ друга понятія субъекта и объекта, зависимости (отъ души) и независимости. Языкъ принадлежитъ мнѣ, потому-что я имъ говорю такъ, а не иначе, а

¹⁾ Ib. 55, 57, 58.

такъ-какъ причина этому заключена вмѣстѣ и въ томъ, что этимъ языкомъ говорили всѣ предшествующія поколѣнія, безъ перерыву передававшія его другъ другу, то рѣчь моя стѣснена самимъ языкомъ. Но то, что ограничиваетъ и обуславливаетъ эту мою дѣятельность, вошло въ языкъ изъ человѣческой природы, находящейся со мною во внутренней связи, и чуждое въ немъ—чуждо только для моей мгновенно-индивидуальной, и не для первоначальной истинной природы ¹⁾, а потому дѣятельность моя стѣснена мною-же самимъ ²⁾. На вопросъ, какъ можно себѣ представить предполагаемое антиноміями рѣчи и пониманія, лица и народа, *внутреннее единство* недѣлимыхъ, разобщенныхъ и различныхъ въ своемъ дѣйствительномъ проявленіи, можно отвѣчать, по Гумбольту, что этого представить себѣ нельзя, что это непостижимо, потому-что мы не имѣемъ даже самаго темнаго чутья (Ahnung) какого-либо сознанія, кромѣ индивидуальнаго“ ³⁾. Но убѣжденіе, что „раздѣльная индивидуальность есть только проявленіе условнаго бытія духовныхъ существъ“ поддерживается въ насъ лежащимъ въ самой человѣческой природѣ зародышемъ неугасимой жажды (Sehnsucht) цѣльности. „Предчувствіе цѣльности (Totalität) и стремленіе къ ней дано непосредственно вмѣстѣ съ чувствомъ индивидуальности и усиливается, по мѣрѣ возрастанія этой послѣдней, такъ-какъ во всякомъ отдѣльномъ лицѣ только одностороннимъ образомъ развивается общая сущность (Gesamtwesen) человѣка“ ⁴⁾. На народъ тоже можно смотрѣть, какъ на человѣческое недѣлимое, слѣдующее особому пути развитія и требующее дополненія со стороны высшей духовной единицы, чело-вѣчества. Успѣхи гражданственности и образованія исподволь стираютъ яркія различія народовъ; нравственность, наука и искусство всегда стремятся къ общимъ идеаламъ, освобожденнымъ отъ національных вкусовъ (Ansichten) ⁵⁾.

¹⁾ Ib. 64—5.

²⁾ Такимъ-образомъ и другой видъ того-же противорѣчія, срединное положеніе языка между познающимъ лицомъ и сознаваемымъ міромъ, примиряется тѣмъ, что возможность познанія истины основывается на первоначальномъ согласіи (внутреннемъ единствѣ?) чело-вѣка съ міромъ. Gesam. W. III, 263. Впрочемъ самъ Гумбольтъ слегка только касается этого вопроса.

³⁾ Ueb. die Versch. 31.

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ Но (замѣтимъ противорѣчіе) это стремленіе къ общему, одинаковому для всѣхъ, осуществляется только различными путями, и разнообразіе далекаго отъ ложной односторонности выраженія (обще)

Мы видѣли выше, что предположеніе единой сущности, въ которой сливаются недѣлимые, извѣстные намъ только въ своемъ ограниченномъ проявленіи, связано у Гумбольта съ утвержденіемъ самостоятельности языка, по отношенію къ духу, и божественнаго его происхожденія. Противорѣчіе божественности и человѣчности языка можно-бы, повидимому, разрѣшить такимъ-же образомъ, какимъ примиряется противоположность объективности и субъективности, т. е. утвержденіемъ единства человѣческаго духа съ божественнымъ, которое-бы совершенно соотвѣтствовало единству объективности и субъективности въ языкѣ. Можно было-бы сказать: языкъ истекаетъ изъ божества, а такъ-какъ причина этому заключена вмѣстѣ и въ человѣкѣ, то божество стѣснено здѣсь человѣкомъ; однако ограниченіе божественнаго творчества происходитъ здѣсь изъ божественной-же природы, находящейся во внутренней связи съ божествомъ, и чуждое въ этомъ ограниченіи божеству чуждо его *мгновенно-индивидуальной*, а не первоначальной, истинной и безконечной природѣ, такъ-что въ созданіи языка собственно божество само себѣ служить ограниченіемъ ¹⁾. Однако Гумбольтъ не старается примирять противорѣчія божественнаго и человѣческаго въ языкѣ такимъ страннымъ построеніемъ, предполагающимъ въ Богѣ мгновенно индивидуальную и конечную природу, и оставляетъ упомянутое противорѣчіе неразрѣшеннымъ.

Столь-же мало поддается метафизическимъ преобразованіямъ другое противорѣчіе, что языкъ и зависитъ отъ духа и самостоятеленъ, и въ этомъ отношеніи отлично отъ перваго только тѣмъ, что въ немъ болѣе замѣтны ошибки Гумбольта. Самостоятельность языка не возбуждала-бы ни малѣйшаго сомнѣнія, если-бы не выходила за предѣлы общаго закона человѣческой дѣятельности, по которому всякое произведеніе становится однимъ изъ обстоятельствъ, обуславливающихъ послѣдующую дѣятельность самого производителя ²⁾. Но, если Гумбольтъ утверждаетъ тождество (хотя-бы даже и высшее) языка и духа, если онъ старается выйти изъ круга: „*безъ языка*

человѣческихъ свойствъ (народами), безконечно (Ueb. die Versch. 32). Предполагаемое этимъ возрастаніе опредѣленности народныхъ характеровъ совершенно согласно съ приведенною выше мыслью, что въ недѣлимомъ стремленіе къ цѣльности увеличивается вмѣстѣ съ чувствомъ индивидуальности, которое должно расти, потому-что жизнь углубляетъ сначала мало замѣтныя духовныя особенности лица.

¹⁾ Steinthal, der Urspr. d. Spr. 2-te Ausg. 81.

²⁾ Cp. Humb. Ueb. die Versch. etc. 305.

нѣтъ духа, и на оборотъ—безъ духа нѣтъ языка“ такимъ образомъ, что возводитъ рядомъ и духъ и языкъ къ высшему началу; то это должно-быть слѣдствіемъ какихъ-нибудь недоразумѣній. Такое рѣшеніе преграждаетъ путь всякому дальнѣйшему изслѣдованію, отождествляя вопросы о происхожденіи языка и происхожденіи духа, между-тѣмъ какъ нельзя въ себѣ подавить убѣжденія, все болѣе и болѣе усиливаемаго фактическимъ изученіемъ языка, что это вопросы неравносильные и отдѣльные другъ отъ друга. Гумбольтъ не находитъ ничего равнаго языку; не отвергая этого безусловно, мы однако смѣло можемъ повторить признаваемую многими мысль, что аналогія поэтического народнаго творчества съ созданіемъ языка во многихъ случаяхъ поразительна. Если при дѣйствительномъ существованіи такого соответствія возможно изслѣдовать не только ходъ развитія, но и самое зарожденіе мѣла и народно-поэтическаго произведенія, не вдаваясь въ рѣшеніе метафизическихъ задачъ, то должно-быть возможно и не метафизическое изслѣдованіе начала языка. Уже по этому одному можетъ казаться, что область метафизики не заключаетъ въ себѣ нашего вопроса, а начинается тамъ, гдѣ онъ оканчивается ¹⁾, и что въ вопросахъ о языкѣ прибѣгать къ метафизикѣ—слишкомъ рано. При томъ, хотя мы не можемъ представить себѣ народа безъ языка, и хотя по этому, рассматривая языкъ, какъ произведеніе народа, можемъ принять и самостоятельность языка и его высшее единство съ духомъ; но жизнь недѣлимаго представляетъ много фактовъ, заставляющихъ усомниться и въ этой самостоятельности и въ этомъ единствѣ.

Взявши слово *духъ*, играющее въ теоріи Гумбольта очень важную роль въ самомъ обширномъ и можетъ-быть совершенно невѣрномъ смыслѣ душевной жизни человѣка вообще, мы спросимъ себя, до какой степени эта жизнь нераздѣльна съ языкомъ? Въ отвѣтъ на такой вопросъ прежде всего придется устранить неразрывность (но не связь) съ языкомъ чувства и воли, которыя выра-

¹⁾ Можетъ-быть умѣстно будетъ привести здѣсь слѣдующее очень удобное опредѣленіе метафизики: „Познаніе міра и насъ самихъ приносить съ собою многія понятія, которыя становятся тѣмъ несоединимѣе въ мысли, чѣмъ болѣе уясняются. Важная задача философіи—такъ видоизмѣнить эти понятія, какъ это требуется особенностью каждаго изъ нихъ. При этомъ видоизмѣненіи прибавится къ нимъ нѣчто новое, посредствомъ коего будетъ устранена ихъ несовмѣстимость. Это новое можно назвать дополненіемъ. Наука о такой обработкѣ понятій есть метафизика. Herbart, Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie.“

жаются словомъ, на сколько стали содержаніемъ нашей мысли. Затѣмъ въ самой мысли отмѣтимъ многое нетребующее языка. Такъ дитя до извѣстнаго возраста не говоритъ, но въ нѣкоторомъ смыслѣ думаетъ, т. е. воспринимаетъ чувственные образы, при томъ гораздо совершеннѣе, чѣмъ животное, вспоминаетъ ихъ и даже отчасти обобщаетъ. Потомъ, когда уже усвоено человѣкомъ употребленіе языка, непосредственныя чувственныя воспріятія или существуютъ до своего соединенія съ словомъ, или даже никогда не достигаютъ такого соединенія. Подобнымъ образомъ и сновидѣнія, которыя большею частью слагаются изъ воспоминаній чувственныхъ воспріятій, нерѣдко не сопровождаются ни громкою, ни беззвучною рѣчью. Творческая мысль живописца, ваятеля, музыканта, невыразима словомъ и совершается безъ него, хотя и предполагаетъ значительную степень развитія, которая дается только языкомъ. Глухонѣмой даже постоянно мыслить, и при томъ не только образами, какъ художникъ, но и объ отвлеченныхъ предметахъ, безъ звуковаго языка, хотя, по-видимому, никогда не достигаетъ того совершенства умственной дѣятельности, какое возможно для говорящихъ. Наконецъ въ математикѣ, — наукѣ совершеннѣйшей по формѣ, человѣкъ говорящій отказывается отъ слова и дѣлаетъ самыя сложныя соображенія только при помощи условныхъ знаковъ.

Изъ всего этого видно, что область языка далеко не совпадаетъ съ областью мысли. Въ срединѣ человѣческаго развитія мысль можетъ быть связана со словомъ, но въ началѣ она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидаетъ его, какъ неудовлетворяющее ея требованіямъ и, какъ-бы потому, что не можетъ вполне отрѣшиться отъ чувственности, ищетъ вышней опоры только въ произвольномъ знакѣ ¹⁾.

Если, несмотря на такую нетождественность мысли и слова, мы удержимъ въ полной силѣ необходимость слова для мысли, чтобъ не впасть въ ошибки теорій, стоящихъ ниже Гумбольта, и если спросимъ когда и для какой именно умственной дѣятельности необходимо слово; то, по Гумбольту, можно будетъ отвѣчать: слово нужно для преобразованія низшихъ формъ мысли въ понятія, и, слѣдовательно, должно появляться тогда, когда въ душѣ есть уже матеріалы, предполагаемые этимъ преобразованиемъ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и слѣдующее мѣсто: „языкъ есть вмѣстѣ и необходимое усовершеніе (дополненіе) мышленія, и естественное

¹⁾ Steinthal. Gr. L. и Psychol. 153 и слѣд.

развитіе способности, свойственной одному только человѣку. Это развитіе не есть фізіологически-объяснимое развитіе инстинкта“ (и языкъ нельзя назвать инстинктомъ, хотя вполне послѣдовательное и искусное строеніе языка возможно при совершенной грубости народа, точно такъ, какъ правильное строеніе ячеекъ сота не предполагаетъ въ пчелѣ никакихъ познаній). „Не будучи дѣломъ ни непосредственнаго сознанія, ни свободы, языкъ можетъ однако принадлежать только существу одаренному сознаніемъ и свободою; въ этомъ существѣ онъ вытекаетъ изъ неизслѣдимой глубины его индивидуальности, ибо онъ вполне зависитъ отъ того, съ какою силою и въ какой формѣ человѣкъ безсознательно возбуждается къ дѣятельности всю свою духовную личность“ ¹⁾. Заключенное здѣсь противорѣчіе уничтожается тѣмъ, что слово нужно душевной дѣятельности для того, чтобы она могла стать сознательною, и появляется, какъ дополненіе, тогда, когда есть уже всѣ прочія условія перехода къ сознательности.

Принявши, послѣ этого, *духъ* въ смыслѣ сознательной умственной дѣятельности, предполагающей понятія, которыя образуются только посредствомъ слова, мы увидимъ, что духъ безъ языка не возможенъ, потому-что самъ образуется при помощи языка и языкъ въ немъ есть первое по времени событіе. Мы можемъ даже признать языкъ самостоятельнымъ по отношенію къ духу, разумѣется въ томъ только смыслѣ, въ какомъ духъ, какъ высшая познавательная дѣятельность, самостоятеленъ по отношенію къ другимъ душевнымъ явленіямъ, и при томъ если примемъ, что формы творчества мысли въ языкѣ отличны отъ тѣхъ, которыя назовемъ собственно духовными. Языкъ и духъ, взятые въ смыслѣ послѣдовательныхъ проявленій душевной жизни, мы можемъ вмѣстѣ выводить изъ „глубины индивидуальности“, т. е. изъ души, какъ начала, производящаго эти явленія и обусловливающаго ихъ своею сокровенною сущностью.

Тоже слѣдуетъ сказать объ отношеніи языка къ духу народному. Языкъ не можетъ быть тождественъ съ этимъ послѣднимъ; какъ въ жизни лица, такъ и въ жизни народа должны быть явленія, предшествующія языку и слѣдующія за нимъ. Взявши во вниманіе, что языкъ есть переходъ отъ безсознательности къ сознанію, можно сравнить отношеніе данной системы словъ и грамматическихъ

¹⁾ „Seiner gesamten geistigen Individualität den treibenden Anstoss erteilt“ Ueb. die Versch. etc. 303—4.

формъ къ духу народному, съ отношеніемъ къ нему извѣстной философской системы. Какъ та, такъ и другая, завершая одинъ періодъ развитія и подчиняя его сознанію, служить началомъ и основаніемъ другому высшему.

При всемъ этомъ, божественность языка остается въ сторонѣ, и вопросъ о его происхожденіи становится вопросомъ о явленіяхъ душевной жизни предшествующихъ языку, о законахъ его образованія и развитія, о вліяніи его на послѣдующую душевную дѣятельность, т. е. вопросомъ чисто психологическимъ. Самъ Гумбольтъ не могъ оторваться отъ метафизической точки зрѣнія, но онъ именно положилъ основаніе перенесенію вопроса на психологическую почву своими опредѣленіями языка, какъ дѣятельности, работы духа, какъ органа мысли. Признаніе вопроса о происхожденіи языка вопросомъ психологическимъ опредѣляетъ уже, гдѣ искать его рѣшенія, и какое именно созданіе языка здѣсь разумѣется: то-ли, о которомъ говорили теоріи произвольнаго изобрѣтенія и божественнаго откровенія языка, или то, на которое указывалъ Гумбольтъ, говоря, что „языкъ не есть нѣчто готовое и обозримое въ цѣломъ; онъ вѣчно создается, при томъ такъ, что законы, по которымъ онъ создается, опредѣлены, а объемъ и даже родъ произведенія остаются неопредѣленными ¹⁾“. Законы душевной дѣятельности одни для всѣхъ временъ и народовъ; не въ этихъ законахъ разница между нами и первыми людьми (по-крайней-мѣрѣ вѣроятная разница въ строеніи тѣла не кажется намъ достаточнымъ основаніемъ утверждать противное), а въ результатахъ ихъ дѣйствія, потому-что прогрессъ предполагаетъ два производителя, изъ коихъ одинъ, именно законы душевной дѣятельности, представляется величиною постоянною, другой—результаты этой дѣятельности—перемѣнною. Если, поэтому, будемъ въ состояніи опредѣлять законы прогресса языка, узнать, какъ онъ измѣняется въ теченіе вѣковъ подъ вліяніемъ дѣйствующей на него мысли, какъ постепенно растетъ перемѣнный агентъ въ прогрессѣ языка, т. е. найдемъ постоянныя отношенія, въ какія становится уже сформированная масса языка къ новымъ актамъ творчества; то и въ этихъ послѣднихъ, взятыхъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаемъ въ насъ самихъ, сможемъ найти черты, общія намъ съ первыми говорившими людьми. Такимъ-образомъ въ исторіи языка, въ психологическихъ наблюденіяхъ современныхъ намъ процессовъ рѣчи—ключъ къ тому, какъ совершались

¹⁾ Ueb. die Versch. 56.

эти процессы въ началѣ жизни человѣчества. Этимъ устраняются мнѣнія, подобныя тѣмъ, которыя мы видѣли у Шлейхера, и можемъ встрѣтить у другихъ ¹⁾, будто время созданія языка прошло, будто созданіе это требовало особенныхъ, неизвѣстныхъ намъ и не существующихъ теперь силъ. Такъ называемое паденіе языка, которое Шлейхеру казалось постепеннымъ его омертвѣніемъ, съ точки зрѣнія Гумбольта, представляется постояннымъ повтореніемъ перваго акта созданія языка.

Недѣлимое изъ себя создаетъ свое развитіе, но стѣснено въ этомъ направленіемъ путей, пройденныхъ его народомъ. Въ примѣненіи къ языку это выражается антиномією: „языкъ есть столько же созданіе лица, сколько и народа“. Законы развитія языка въ недѣлимомъ относятся къ индивидуальной психологіи; законы же языка, какъ народнаго произведенія, открываемые языкознаніемъ, требуютъ дополненія со стороны новаго еще отдѣла психологіи, содержаніемъ коего должно быть изслѣдованіе отношеній личнаго развитія къ народному. Какъ индивидуальная психологія указываетъ не только общіе для всѣхъ законы душевной жизни, но и возможное разнообразіе и оригинальность недѣлимыхъ; такъ психологія народовъ должна показать возможность различія національных особенностей и строенія языковъ, какъ слѣдствіе общихъ законовъ народной жизни. Такимъ образомъ то направленіе науки, которое намъ кажется лучшимъ, предполагаетъ уваженіе къ народностямъ, какъ необходимому и законному явленію, а не представляетъ ихъ уродливостями, какъ должно слѣдовать изъ принципа логической грамматики.

Впрочемъ здѣсь, оставляя почти совсѣмъ въ сторонѣ народно-психологическіе вопросы, тѣсно связанные съ исторією отдѣльных языковъ, обратимся къ болѣе легкимъ—о значеніи слова въ развитіи недѣлимаго.

IV. Языкознаніе и психологія.

Сближеніе языкознанія съ психологією, при которомъ стала возможна мысль искать рѣшенія вопросовъ о языкѣ въ психологіи, и наоборотъ, ожидать отъ изслѣдованій языка новыхъ открытій въ области психологіи, возбуждая новыя надежды, въ то-же время свидѣтельствуетъ, что каждая изъ этихъ наукъ порознь уже достигла значительнаго развитія. Прежде чѣмъ языкознаніе стало нуждаться

¹⁾ Шеллинга, Пенана. См. Steinth. der Urspr. der Spr.

въ помощи психологіи, оно должно было выработать мысль, что и языкъ имѣетъ свою исторію и что изученіе его должно быть сравненіемъ его настоящаго съ прошедшимъ, что такое сравненіе, начатое внутри одного языка, вовлекаетъ въ свой кругъ всѣ остальные языки, т. е. что историческое языкознаніе нераздѣльно со сравнительнымъ. Мысль о сравненіи всѣхъ языковъ есть для языкознанія такое-же великое открытіе, какъ идея человѣчества—для исторіи. И то и другое основано на несомнѣнной, хотя многими не-сознаваемой истинѣ, что начала, развиваемыя жизнью отдѣльных языковъ и народовъ, различны и незамѣнимы одно другимъ, но указываютъ на другія и требуютъ со стороны ихъ дополненія. Въ противномъ случаѣ, т. е. если-бы языки были повтореніемъ одного и того-же въ другой формѣ, сравненіе ихъ не имѣло-бы смысла, точно-такъ какъ исторія была-бы одною огромною, утомительною тавтологіею, если-бы народности твердили зады, не внося новыхъ началъ въ жизнь человѣчества. Говорятъ обыкновенно объ исторической и сравнительной методѣ языкознанія; это столько-же методы, пути изслѣдованія, сколько и основныя истины науки. Сравнительное и историческое изслѣдованіе само-по себѣ было протестомъ противъ общей логической грамматики. Когда оно подрыло ея основы и собрало значительный запасъ частныхъ законовъ языка, тогда только стало невозможно примирить новыя фактическія данныя со старой теоріей: вино новое потребовало мѣховъ новыхъ. На рубежѣ двухъ направленій науки стоитъ Гумбольтъ—геніальный предвозвѣстникъ новой теоріи языка, не вполнѣ освободившійся отъ оковъ старой. Штейнталь первый, какъ кажется, показалъ въ Гумбольтъ эту борьбу теоріи и практики, или вѣрнѣе сказать, двухъ противоположныхъ теорій, а вмѣстѣ и то, на которую сторону должна склониться побѣда, по суду нашего времени.

Съ другой стороны психологія не могла-бы внушить никакихъ ожиданій филологу, еслибы до-сихъ-поръ оставалась описательною наукою. Всякая наука коренится въ наблюденіяхъ и мысляхъ, свойственныхъ обыденной жизни; дальнѣйшее ея развитіе есть только рядъ преобразованій, вызываемыхъ первоначальными данными, по мѣрѣ того, какъ замѣчаются въ нихъ несообразности. Такъ и первыя психологическія теоріи примыкаютъ къ житейскому взгляду на душу. Самонаблюденіе даетъ намъ массу психологическихкихъ фактовъ, которые обобщаются уже людьми, по умственному развитію, непревышающими уровня языка. Кто называетъ однимъ словомъ испытанныя въ себѣ или замѣченныя въ другихъ различныя обнару-

женія любви, и кто эти явленія, взятыя вмѣстѣ съ другими, напр. гнѣвомъ, печалью, обозначаетъ словомъ *чувство*, тотъ не чуждъ подобной разработки понятій. Подвигаясь этимъ путемъ, подводя частныя явленія подъ общія схемы, психологія пришла къ извѣстнымъ понятіямъ, между которыми общаго, съ ея точки, было только то, что обнимаемая ими явленія происходили въ душѣ; на этомъ основаніи она приписала душѣ столько отдѣльныхъ способностей производить въ себѣ или испытывать извѣстные состоянія, сколько было группъ, неподводимыхъ подъ одну общую: радость, печаль—это чувство; рѣшимость, нерѣшительность—воля; память, разсудокъ, разумъ—дѣятельность познавательная; но чувство, воля, разумъ, не имѣютъ общаго понятія, кромѣ понятія души, а потому душѣ приписаны отдѣльныя способности понимать, чувствовать, имѣть волю. Если цѣль всякой науки—объяснить явленія, подлежація ея изслѣдованію, то теорія душевныхъ способностей не имѣетъ научнаго характера. Какъ вообще понятія, образованныя изъ признаковъ, общихъ многимъ единичнымъ явленіямъ, должны говорить намъ не болѣе того, что въ разсмотрѣнныхъ нами явленіяхъ есть такіе-то общіе признаки; такъ и понятія разума, чувства, воли должны быть только общими, и потому неясными очерками, повторяющими событія, ярко изображенныя намъ самонаблюденіемъ. Въ естественныхъ наукахъ общія понятія, правильно и постепенно образуемая изъ частныхъ, ни для кого не имѣютъ реальнаго значенія и всякому кажутся только средствами, созданными мыслью и нужными ей для обзора разнообразныхъ явленій. Зоологъ напр. не станетъ искать причины такихъ или другихъ свойствъ этой собаки въ отвлеченномъ понятіи собаки вообще. Если-же опытная психологія утверждаетъ, что познавательная способность производить представленія, понятія, что человѣкъ помнить, потому-что имѣетъ память; то она нелогично принимаетъ то, что въ насъ происходитъ, за реальныя начала самихъ явленій и, по выраженію Гербарта, изъ опытной науки превращается въ мифологію.

Между-тѣмъ насъ дѣйствительно преслѣдуетъ необходимость искать причины душевныхъ явленій. Языкъ, вообще соотвѣтствующій среднему уровню пониманія въ народѣ, не ограничивается обозначеніемъ душевныхъ явленій посредствомъ сравненія ихъ съ чувственными, или другими душевными: назвавши любовь огнемъ, опъ отъ сравненія переходитъ къ причинѣ и говорить, что отъ огня въ насъ любовь, точно также, какъ наоборотъ народный стихъ, недовольствуясь сравненіемъ физическихъ явленій съ психическими, ночи

съ думою, утверждаетъ, что у насъ ночи темныя отъ думъ Божіихъ. Темный человѣкъ, по своему, грубо удовлетворяетъ потребностямъ, создающимъ въ послѣдствіи науку; въ сравненіи онъ ищетъ средства произвести самое явленіе, раскаляетъ слѣды, взятые изъ подъ ногъ другого, чтобы произвести въ немъ любовь. И при высшей степени развитія, всякій, кому нужно имѣть вліяніе на душу, ищетъ разгадки ея состояніямъ. Нельзя себѣ представить воспитателя безъ извѣстной, истинной или ложной сознательной или безсознательной теоріи причинныхъ отношеній между явленіями душевной жизни, точно такъ, какъ безъ знанія причинъ болѣзни можно быть только страдательнымъ ея наблюдателемъ, а не врачомъ. Теорія способностей, превративши общія схемы явленій въ ихъ реальныя начала, сбилась съ пути, указываемаго обыденною жизнью и сошла съ дѣйствительно-причинной точки зрѣнія. Такъ напр. если говоря, что страсть ослѣпляетъ человѣка, т. е. даетъ одностороннее направленіе его разсудку, мы выражаемъ общее безсознательное убѣжденіе, что психическія явленія различныхъ группъ видоизмѣняютъ другъ друга своимъ вліяніемъ, то тѣмъ самымъ указываемъ на явленіе необъяснимое теоріею способностей. Въ этой теоріи разумъ, чувство, воля—только логически соподчиняются другъ другу и не могутъ быть приведены въ другую зависимость, потому-что какъ-же будетъ возможно вліяніе познанія на чувство, чувства на волю, если самое названіе ихъ душевными способностями было слѣдствіемъ невозможности привести ихъ къ одному знаменателю?

Отсутствіе причинной связи между явленіями нераздѣльно съ другимъ важнымъ недостаткомъ теоріи душевныхъ способностей, именно съ тѣмъ, что явленія представляются въ ней одновременными и неподвижными членами системы. Какъ предметъ грамматики того направленія, которое называютъ практическимъ, есть литературный языкъ, при томъ не дѣйствительный, потому-что въ такомъ случаѣ эта грамматика должна-бы стать историческою, вслѣдствіе разновременности слоевъ, замѣтныхъ въ каждомъ языкѣ, а идеальный; такъ и предметъ опытной психологіи есть не дѣйствительный, а какой-то мыслимый, невозможный человѣкъ. Положимъ, мы представили описаніе найденнаго нами въ современномъ человѣкѣ; можемъ-ли мы устранить вопросъ о томъ, встрѣчается-ли намъ такая совокупность явленій въ дикарѣ, въ человѣкѣ прежнихъ вѣковъ? Мы не избѣгнемъ также другого вопроса, всегда-ли въ этомъ образованномъ была такая совокупность? Если не всегда, то гдѣ начинается въ немъ то состояніе, которое мы назвали образованностью?

Опыт намъ скажетъ, что во многихъ образованныхъ мы не встрѣтимъ извѣстныхъ явленій, и что въ одномъ и томъ-же эти явленія постоянно мѣняются, такъ-что не только чувства и акты воли мгновенно то являются, то исчезаютъ, но и познавательная способность дѣйствуетъ въ разныя времена съ различною силою. Такое постоянное волненіе не можетъ быть обнято неподвижными схемами. Опытная психологія, чтобы не разойтись съ опытомъ, должна предположить, что способности до своего дѣйствительнаго появленія существуютъ какъ возможности, такъ-что, напр., разумъ можетъ быть безъ познаваемаго, чувство безъ чувствуемаго, при чемъ между возможностью и дѣйствительностью будетъ ничѣмъ незаполненная пропасть.

Очевидно, что при такомъ состояніи науки, сближеніе ея съ языкознаніемъ невозможно. Напрасно будемъ ей предлагать вопросъ объ условіяхъ зарожденія языка и его вліяніи на послѣдующее развитіе, если ей самой чуждо стремленіе изслѣдовать условія явленій.

Руководясь необходимостью внести причинный взглядъ на душевную жизнь, легко можно замѣтить, что не всѣ ея явленія могутъ быть названы равно первоначальными. Такъ, относительно познанія, давно уже извѣстно, что *nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*, т. е. что всѣ дѣйствія, приписываемыя различнымъ способностямъ этой группы—только видоизмѣненія матеріала даннаго чувствамъ, или, если захотимъ отрицать причинную связь между душою и міромъ, создаваемого душою во время чувственного воспріятія. Согласно съ этимъ память и воспоминаніе, которыя удерживаютъ и воспроизводятъ впечатлѣнія, фантазія, прихотливо ихъ группирующая, разсудокъ, преобразующій ихъ въ понятія и сужденія, какъ олицетворенія безъ реального значенія, какъ мнѣческія существа, которыя сами рождаются въ одно время съ тѣмъ, что производятъ, могутъ быть устранены. Преобразованія чувственныхъ впечатлѣній могутъ быть выведены изъ силъ, которыя не таятся въ этихъ воспріятіяхъ до времени, а дѣйствительно возникаютъ при извѣстныхъ условіяхъ, подобно тому, какъ физическія силы не пробуждаются въ веществѣ, а рождаются въ немъ при его взаимодействіяхъ съ другимъ. Условія появленія силъ, видоизмѣняющихъ воспріятія, будутъ взаимодействія этихъ послѣднихъ; если иное представленіе забывается, другое помнится, то это не потому, что мы имѣемъ способность помнить и забывать (это не объясняетъ дѣла), а потому, что одно испытываетъ большее давленіе со стороны другихъ, а другое—меньшее, подобно тому, какъ одна чашка вѣ-

совъ опускается, а другая поднимается, не потому только, что способности къ этому, а потому-что на одной лежить тяжесть, на другой нѣтъ. Не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что употребленное нами слово „давленіе“ имѣетъ матеріальный смыслъ; психологія, какъ и всякая наука, принуждена пользоваться языкомъ, а языкъ и невещественное обозначаетъ словами первоначально выражавшими подлежащее чувствамъ. Сила не въ словахъ, а въ томъ, что при такомъ воззрѣніи дается возможность опредѣлить психо-механическій процессъ возникновенія сложныхъ явленій изъ простѣйшихъ стихій и управляющихъ ими законовъ, и изгоняются мелкія душевныя способности, столь-же ненужныя, какъ флогистонъ въ химіи и жизненная сила въ физиологіи. Это нисколько не противорѣчитъ опыту. Представленія возстаютъ изъ глубины души, сцѣпляются и тянутся вереницами, слагаются въ причудливые образы или въ отвлеченныя понятія, и все это совершается само собою, какъ восхожденіе и захожденіе свѣтила, безъ того двигателя, который необходимъ для кукольнаго театра.

Подобнымъ образомъ разложимы и двѣ другія области душевной жизни: чувство и воля. Признавши ихъ первичными, необходимо было-бы отказаться отъ ихъ объясненія, потому-что всякое объясненіе было-бы разложеніемъ ихъ на простѣйшія представленія. Но наблюденіе показываетъ, что чувства не только сопровождаются мыслью, но и находятся отъ нея въ зависимости. Въ этомъ можно увѣриться, сравнивши проявленія чувства и воли въ людяхъ разныхъ степеней развитія. Развѣтїе ума порождаетъ новыя чувства и стремленія и подавляетъ старыя. Въ дитяти желанія настойчивѣе, чувства мельче и вообще все состояніе духа измѣнчивѣе, чѣмъ во взросломъ. Воля, посредствомъ мысли, то совѣмъ разрушаетъ чувство, то подавляетъ его только на мгновеніе, давая ему возможность въ слѣдующій разъ проявиться съ большею силою. Вообще сомнѣваться во вліяніи умственного развитія на чувство и волю значитъ сомнѣваться во всесторонности прогресса и отрицать, что въ образованномъ обществѣ менѣе возможны неукротимые порывы чувства, чѣмъ между дикарями. Не безъ основанія мы цѣнимъ человѣка не по одному развитію ума, но и по степени власти надъ собою, которая, какъ сказано выше, посредствуется мыслью.

Эстетическія и нравственныя чувства зависятъ отъ самаго содержанія представленій, но объ остальныхъ этого сказать нельзя. Поэтому причины чувства вообще можно искать не въ томъ, что вообще представляется, а въ томъ, какимъ образомъ представленія дѣйствуютъ другъ на друга.

Возьмемъ для примѣра чувство ожиданія и предположимъ извѣстнымъ во 1-хъ, что различныя воспріятія при извѣстныхъ условіяхъ ассоціируются, соединяются между собою, такъ-что одно, которое мы вспомнили, приводитъ на память и другія; во 2-хъ, что одинаковыя представленія сливаются между собою. Положимъ, мы ѣдемъ по знакомой дорогѣ; представленія предметовъ, замѣченныхъ нами прежде, образовали въ насъ рядъ, первый членъ котораго вызываетъ въ сознаніи всѣ остальные. Мы видимъ мостъ черезъ рѣчку и при этомъ думаемъ, что за мостомъ начнутся пески, потомъ лѣсъ, затѣмъ гора, на которой стоитъ монастырь. Еслибы прежнія представленія возникали въ насъ, по мѣрѣ того какъ мы видимъ всѣ эти предметы, то вновь полученные нами ихъ образы сливались бы съ прежними и не произошло-бы никакого опредѣленнаго чувства; но мысль наша забѣгаетъ впередъ и представляетъ намъ гору и монастырь, тогда какъ передъ нами еще пески, и представленіе горы, вызванное къ сознанію другими, связанными съ нимъ, то вновь подавляется тѣмъ, что мы дѣйствительно видимъ, то всплываетъ опять. При такомъ колебаніи представленій происходитъ непріятное само-по-себѣ чувство ожиданія. Съ ожиданіемъ сродно другое непріятное чувство, желаніе. Оно происходитъ тогда, когда мы представляемъ предметъ, отъ котораго можемъ ожидать удовольствія, но вмѣстѣ сознаемъ, что для удовольствія нашего недостаетъ дѣйствительнаго присутствія этого предмета. Мы желаемъ ѣсть, когда въ болѣе или менѣе заманчивомъ видѣ представляемъ пищу, но чувствуемъ недостатокъ чувственныхъ впечатлѣній, сопровождающихъ ѣду. Такимъ-образомъ мы желаемъ не самого предмета, а извѣстныхъ видоизмѣненій его представленія, извѣстнаго пріятнаго чувства удовлетворенія. На возраженіе, что можно представлять отсутствующій пріятный предметъ и не желать его, отвѣчаютъ, что въ такомъ случаѣ и предметъ вовсе не представляется пріятнымъ для насъ въ эту минуту: мы думаемъ, что онъ когда-то доставлялъ намъ удовольствіе. Этими примѣрами мы хотимъ сказать, что чувство вообще можетъ быть названо состояніемъ души, при извѣстныхъ движеніяхъ представленій (въ обширномъ смыслѣ этого слова), при измѣненіи ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ основаніи третьяго разряда душевныхъ явленій, воли, лежитъ желаніе, но между волею и желаніемъ есть разница. Я могу желать совершенно независимаго отъ моей воли, совершенно избыточнаго по моему собственному мнѣнію, напр., чтобы подулъ такой вѣтеръ, при которомъ я найду затишье, чтобы взошла такая-

то звѣзда, чтобъ судьба дала мнѣ богатство, и отъ этой несбыточности нисколько не уменьшается сила желанія. Желаніе нерѣдко идетъ даже на перекорь волѣ, напр. можно думать про себя „чтобъ онъ пропалъ“, но при встрѣчѣ не только не пустить ему камня въ голову, что вполне-бы зависѣло отъ воли, но снять шапку и раскланяться. То—чего я хочу—непремѣнно должно мнѣ казаться возможнымъ (при чемъ, конечно, возможно съ моей стороны заблужденіе); оно должно вызывать въ сознаніи извѣстные представленія, съ которыми ассоціировалось прежде, и которыя необходимо должны осуществиться при моемъ содѣйствіи прежде, чѣмъ достигну того, чего хочу. Такимъ-образомъ воля происходитъ тогда, когда, желая, мы видимъ вмѣстѣ возможность посредственно или непосредственно произвести желаемое; она есть, какъ и желаніе, результатъ извѣстнаго отношенія представленій ¹⁾).

Такова въ общихъ чертахъ господствующая теперь Гербартова теорія представленій, какъ силъ, вся основанная на стремленіи постигнуть законность душевной жизни. Она первая поставила психологію на степень науки, освободивши ее и отъ грубаго, непригоднаго и въ практическомъ отношеніи эмпиризма и отъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ предположеній. Признавая въ ней многое неопровержимымъ, и не оспаривая самой мысли о душевномъ механизмѣ, можно и должно однако спросить, все-ли можетъ объяснить этотъ механизмъ и нѣтъ-ли въ параллелограммѣ душевныхъ силъ такой, величина которой для насъ неопредѣлена и неопредѣлима? На этотъ вопросъ Лоце ²⁾ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Безъ сомнѣнія наша наука не станетъ выше средствъ нашего познанія, и должна будетъ признать за рядъ данныхъ фактовъ то, чего не сможетъ вывести изъ одного основанія. Усилія во что-бы ни стало свести все къ одному—вводить только въ искушеніе безсознательно устранить кое-что изъ даннаго содержанія фактовъ, чтобы легче объяснить остальное. Мы признаемъ законнымъ всякое требованіе видѣть во всѣхъ проявленіяхъ одного и того-же существа лишь различныя слѣдствія его собственной природы, но не въ состояніи удовлетворить этому требованію въ наукѣ. По немногимъ мѣстамъ, какія комета въ разныя времена занимала на небѣ, мы заключаемъ о дальнѣйшемъ ея пути; прошедши чрезъ извѣстныя точки, она, по законамъ

¹⁾ Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft v. Th. Waitz. Braunschweig 1849.

²⁾ *Mikrokosmos*. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit. Versuch einer Antropologie v. Herm. Lotze. Leipzig. 1856—7.

небесныхъ движеній, необходимо должна пройти черезъ другія, принадлежащія вмѣстѣ съ первыми къ одной закономъ опредѣленной кривой. Такую-же послѣдовательность мы предполагаемъ въ душѣ. Если природа ея такимъ, а не другимъ образомъ проявилась при извѣстномъ возбужденіи (Reiz), то и слѣдующее ея проявленіе, какимъ она отвѣтитъ на другое возбужденіе, уже не предоставлено ея произволу. Одинъ шагъ опредѣляетъ всѣ слѣдующіе, и какъ-бы ни были разнообразны вѣшнія возбужденія, отношенія души къ нимъ обусловлены тѣмъ, какъ она относилась къ первому изъ этихъ возбужденій. Различныя воздѣйствія души на вѣшнія возбужденія не лишены взаимной связи, а слагаются въ цѣльное выраженіе послѣдовательной многосторонности души. Но какъ астрономія по одной точкѣ въ пути кометы не можетъ судить о ея быстротѣ и направленіи, такъ и мы въ одномъ способѣ проявленія души не найдемъ средствъ предсказать то, какъ она выскажется при другихъ условіяхъ. Тѣмъ-не-менѣе, въ небесномъ тѣлѣ въ каждую минуту исполнѣесть движеніе, опредѣляющее его дальнѣйшій путь; точно такъ и въ каждомъ отдѣльномъ проявленіи души можетъ уже заключаться внутренняя необходимость такихъ, а не другихъ слѣдующихъ проявленій. Связь всѣхъ точекъ въ пути кометы заключается въ законахъ притяженія и инерціи; закона, который-бы представилъ намъ всѣ различныя дѣятельности души, не смотря на ихъ формальное различіе, звеньями одной и той-же цѣпи развитія, слѣдовало-бы искать гораздо глубже. Этотъ законъ предполагаетъ знаніе, почему существо, видящее свѣтъ и цвѣта, когда возбуждено волнами эѳира, необходимо должно слышать звуки, если колебанія воздуха дѣйствуютъ на его слухъ или, почему его природа, при однихъ впечатлѣніяхъ (Eindrücke) производящая наглядныя, но безразличныя воспріятія (Wahrnehmungen), подѣ влияніемъ другихъ—испытываетъ удовольствіе и неудовольствіе. Врядъ-ли нужно говорить, что такая задача никогда не была рѣшена, и что не видно никакой возможности ея рѣшенія. Всякая психологія будетъ убѣждена, что такая непрерывная послѣдовательность есть въ природѣ души, но ни одна не сумѣетъ выразить ея закона. Требованіе такого единства души можетъ всегда быть путеводною нитью нашихъ изслѣдованій, но при самомъ исполненіи ихъ мы принуждены довольствоваться признаніемъ различныхъ проявленій души за данные факты ¹⁾.

¹⁾ Lotze Mikr. I 189—191.

Было-бы ошибочно принимать полную независимость разума, чувства и воли. „Наблюденіе слишкомъ явственно показываетъ, что съ теченіемъ представленій связано чувство, что изъ удовольствія и неудовольствія развивается стремленіе достигнуть желаемого и устранить нежелаемое. Но такая очевидная зависимость не рѣшаетъ того, представляетъ-ли предшествующее событіе полную удовлетворительную причину, своею собственною силою производящую послѣдующее, или-же предшествующее есть только обстоятельство, служащее поводомъ послѣдующаго, и дѣйствуетъ вмѣстѣ съ другою силою, ускользающею отъ нашего наблюденія. Точный разборъ фактовъ устранить это сомнѣніе. Если намъ удастся въ данномъ найти рѣшительно всѣ зародыши и стихіи будущаго, и вмѣстѣ,—ихъ движеніе, изъ котораго само собою должно образоваться будущее, то мы будемъ имѣть основаніе считать предшествующее достаточною причиною послѣдующаго. Если же въ результатѣ окажется излишекъ, необъяснимый предшествующими обстоятельствами, то мы принуждены будемъ заключить, что въ нихъ не было полного основанія послѣдующаго явленія, что къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще одно, незамѣченное нами условіе.

„Сравненіе упомянутыхъ душевныхъ явленій принуждаетъ насъ, какъ кажется, принять послѣднее. Если будемъ разсматривать душу, какъ существо познающее (*vorstellendes Wesen*), то ни въ одномъ изъ состояній, въ какія она можетъ быть приведена совершеніемъ этой дѣятельности, мы не откроемъ достаточнаго основанія, которое принудило бы душу, оставивъ такой способъ своего явленія, развитъ въ себѣ чувства удовольствія и неудовольствія. Конечно, можетъ казаться, что ничего не можетъ быть естественнѣе того, что непримиренныя противоположности представленій, борьбою своею причиняющихъ насиліе душѣ, производить въ ней чувство неудовольствія, изъ котораго должно возникнуть стремленіе къ исцѣленію. Но это такъ кажется только намъ, существамъ болѣе чѣмъ познающимъ; эта послѣдовательность не сама собою разумѣется, и выводится изъ внутренняго опыта, давно приучившаго насъ къ ея неизбѣжности и заставившаго насъ упустить изъ виду, что на дѣлѣ есть перерывъ между предшествующимъ и послѣдующимъ членомъ ряда, перерывъ, который можемъ заполнить, только принявши новое, еще незамѣченное нами условіе. Независимо отъ опыта, познающая душа не нашла-бы въ себѣ причины иначе воспринимать свои внутреннія измѣненія, даже угрожающія ея бытію, чѣмъ съ тою-же равнодушною точностью наблюденія, съ какою она смотритъ на борьбу

постороннихъ силъ. Еслибы, при такомъ холодномъ воспріятіи, изъ другихъ источниковъ возникло чувство, то душа только чувствующая, даже при самомъ жестокомъ страданіи, не нашла-бы въ себѣ ни причины, ни способности перейти къ стремленію измѣнить свое состояніе; она-бы страдала, не возбуждая себя къ волѣ. Такъ какъ въ дѣйствительности—не то, то въ душѣ должна съ самаго начала заключаться способность чувствовать удовольствіе и неудовольствіе, и теченіе представленій, воздѣйствуя на природу души, должно не создавать изъ себя, а только возбуждать проявленіе этой способности; далѣе, чувства, какія-бы они ни были, становятся только мотивами (Beweggründe) способности воли, которую они уже застаютъ въ душѣ, которой дать, еслибъ ея не было, они-бы не могли. Это убѣжденіе никакъ не могло-бы быть замѣнено уступкою, которую намъ могутъ дѣлать: что, конечно, извѣстное отношеніе представленій само по себѣ еще не есть вытекающее изъ него чувство удовольствія и неудовольствія, или воля, но что чувство и стремленіе—не что иное, какъ формы, въ какихъ эти отношенія воспринимаются сознаниемъ. Мы должны-бы были прибавить, что именно эти формы воспріятія вовсе не второстепенныя прибавленія (Beiwerk), о коихъ можно-бы было упомянуть только по поводу расположенія представленій, составляющаго сущность дѣла; существенное здѣсь именно въ томъ, какъ эти представленія являются душѣ (das wesentliche liegt hier vielmehr in der Art des Erscheinens). Чувства и стремленія, именно какъ чувства и стремленія, имѣютъ цѣну для душевной жизни, значеніе коей не въ томъ, что бываютъ разныя сочетанія представленій, которыя между прочимъ доходятъ до сознанія въ формахъ чувства и воли, а въ томъ, что природа души въ состояніи испытывать отъ чего бы ни было чувства и стремленія“¹⁾.

Принимаемая такимъ-образомъ три способности „не отдѣльными корнями вырастаютъ изъ почвы души“, но представляются тремя степенями ея дѣятельности, такъ-что воля возбуждается чувствомъ, а чувство—представленіями. Что до затрудненія, представляемаго бытіемъ способностей въ возможности (in potentia), то оно, и по мнѣнію Дробіша, одного изъ представителей школы Гербарта, не существуетъ и для Лотце, потому-что способности—это „не зародыши, лежащіе въ душѣ въ ожиданіи развитія и развиваемые возбужденіями (Reiz), не сжатые пружины, которыя распрямляются

¹⁾ Lotze Mikr. 194—196.

отъ внѣшнихъ вліяній, а только роды отношеній души (Verhaltensweisen) ко внѣшнимъ вліяніямъ, возникающіе въ ней не раньше и не позже самихъ вліяній; а ихъ возможность есть только отвлеченное понятіе въ мысли человѣка, разсуждающаго объ условіяхъ ихъ дѣйствительнаго существованія, потому-что эти условія заключаются не въ одной сущности души, но вмѣстѣ и въ свойствѣ внѣшнихъ возбужденій ¹⁾, въ отношеніяхъ души къ этимъ послѣднимъ. „Душа, говоритъ Лотце, не по частямъ проявляется въ этихъ способностяхъ, не такъ-что однѣ изъ ея частей пробудились, а другія еще спятъ, напротивъ, въ каждой формѣ своей дѣятельности дѣйствуетъ вся душа; уже въ представленіи она приводитъ въ дѣйствіе не одну свою сторону, а всей своей цѣлости даетъ одностороннее выраженіе, потому-что на извѣстное возбужденіе она можетъ отвѣчать не всѣми, а только извѣстною возможностью своего проявленія. Сравнивши *четыре* съ *пятью*, увидимъ, что первое единицею меньше второго; но безъ особаго требованія само это число не прибавить, что оно вдвое больше двухъ и вдвое меньше восьми и нужны новыя сравненія, чтобъ привести себѣ на память и эти отношенія. Однако въ каждомъ изъ этихъ отношеній выражается вся природа *четырехъ*, но только одностороннимъ образомъ, соотвѣтственно нашей точкѣ зрѣнія. Или, возвращаясь къ прежнему сравненію, по одной точкѣ никто не можетъ судить о направленіи и быстротѣ движущагося тѣла, а между-тѣмъ въ каждое мгновеніе въ немъ вполне дѣйствуетъ сила, опредѣляющая его дальнѣйшій путь. Такъ въ дѣятельности представленія для насъ высказалась не вся природа души и не видно, что въ слѣдующее за тѣмъ мгновеніе представленіе можетъ перейти въ чувство и волю; однако въ этой частицѣ пути развитія души дѣйствуетъ вся ея природа. Божественный разумъ могъ-бы по одной недѣлимой точкѣ судить о направленіи небснаго тѣла, неуждаясь для этого въ протяженной части его пути, точно такъ, какъ и въ одномъ проявленіи души ему-бы предстояла вся ея природа и необходимость при другихъ условіяхъ перейти къ другимъ формамъ дѣйствія; человѣческому-же разуму остается только исподволь исчерпывать эту глубину знанія и при этомъ помнить, что въ основаніи принимаемой нами множественности способностей лежитъ единая сущность души. Впрочемъ, мы не имѣемъ основанія считать признаніе различія способностей

¹⁾ Zeitschrift für Philosophie v. Ulrici u. Wirth. XXXIV, II. Ueber Lotzes psychologischen Standpunct.

только слѣдствіемъ слабости нашего ума; въ нѣкоторомъ смыслѣ, это—самая сущность дѣла. Быть можетъ, даже божественный разумъ не нашелъ-бы въ одномъ актѣ представленія, почему за нимъ должно слѣдовать чувство; онъ-бы только во всемъ разумномъ смыслѣ душевной жизни яснѣе насъ увидѣлъ причину, повелѣвающую этимъ явленіямъ быть вмѣстѣ и слѣдовать другъ за другомъ, причину, подобную идеѣ, одушевляющей стихотвореніе, крѣпко и необходимо связующей разнообразныя его части, изъ коихъ ни одна сама не развила-бъ изъ себя другой.

Всякая психологическая теорія необходимо признаетъ нѣсколько такихъ способовъ проявленія души, которыхъ нельзя свести въ одинъ. Однако ученіе, которому психологія обязана столь многимъ, признаетъ множественность только въ непосредственныхъ воздѣйствіяхъ души на возбужденіе извнѣ, т. е. только въ чувственныхъ воспріятіяхъ. И оно полагаетъ, что нельзя вывести другъ изъ друга этихъ первѣйшихъ проявленій души, и не берется сказать, почему существо, видящее свѣтъ, воспринимаетъ другія впечатлѣнія въ видѣ звуковъ. Напротивъ, всѣ высшія дѣятельности (по этому ученію) будто-бы вполнѣ вытекаютъ изъ этихъ первичныхъ состояній; душа, разъ создавши этотъ первичный матеріалъ, какъ будто оставляетъ свою творческую дѣятельность, предоставляетъ свои произведенія законамъ ихъ взаимодѣйствія. Такимъ-образомъ душа въ своей дальнѣйшей жизни оказывается только сценою, которая хотя и сопровождаетъ сознаниемъ то, что на ней происходитъ, но не обнаруживаетъ на это никакого другаго вліянія. Противъ этого именно направлены наши замѣчанія. Творчество души обнаруживается не одинъ только разъ при созданіи простыхъ ощущеній; напротивъ, хотя ощущенія и подчиняются въ своихъ взаимодѣйствіяхъ извѣстнымъ механическимъ законамъ, но эти законы не исчерпываютъ и не объясняютъ высшихъ явленій духовной жизни. Механическое теченіе воспріятій служить только поводомъ, только вызываетъ новыя формы дѣятельности души, которая никакъ-бы не вышла изъ самаго этого механизма. Душа точно такъ относится къ каждому изъ своихъ внутреннихъ состояній, какъ относилась ко внѣшнимъ возбужденіямъ: на каждое свое состояніе она можетъ отвѣтить такого рода дѣятельностью, какой мы не въ состояніи вывести изъ предшествующихъ обстоятельствъ, которая дѣйствительно заключена не въ однихъ только этихъ обстоятельствахъ“ ¹⁾...

¹⁾ Mikr. I. 196—199.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ отношеніи изложенныхъ здѣсь мыслей къ нашему предмету. Не только чувство и воля не могутъ быть выведены вполне изъ отношеній между представленіями, но и въ болѣе тѣсномъ кругу явленій умственной жизни представлять послѣдующее и высшее прямымъ слѣдствіемъ немногихъ извѣстныхъ намъ предшествующихъ обстоятельствъ, значить невольно обольщать себя и другихъ. Говоря о переходѣ образа предмета въ понятіе о предметѣ, въ болѣе исключительно-человѣческую форму мысли, мы увидимъ, что этотъ переходъ можетъ совершиться только посредствомъ слова, но при этомъ будемъ помнить, что само слово никакъ не создастъ понятія изъ образа, что понятіе, какъ и многое другое въ личной и народной жизни, навсегда останется для насъ величиною, произведенною, такъ сказать, умноженіемъ извѣстныхъ намъ условий на неизвѣстные намъ и, вѣроятно неизслѣдимыя силы. Здѣсь нѣтъ призыва къ смиренному бездѣйствію, основанному на томъ, что умъ нашъ слабъ, а причина премудрости Божіей бездонна, и есть только законное сомнѣніе въ близости конечной цѣли мысли, т. е. знанія связи явленій. Кажется, лучше, при равенствѣ знаній, находить, подобно Лопе, темныя стороны въ предметѣ, чѣмъ считать этотъ предметъ почти или совершенно яснымъ.

Слово, предполагаемое извѣстными степенями развитія мысли, въ свою очередь, предполагаетъ чувственные воспріятія и звукъ, а потому мы начнемъ съ этихъ послѣднихъ условий.

V. Чувственные воспріятія.

Мы не можемъ представить себѣ безусловнаго отсутствія въ насъ душевной дѣятельности, точно такъ, какъ глазъ нашъ не можетъ видѣть совершенной тьмы. Дни и часы, которые мы называемъ потерянными для жизни, все-же дни и часы, все-же время, а представленіе времени для насъ неразлучно съ представленіемъ ряда событій въ душѣ. Если мы постараемся удалить занимающія насъ обыкновенно мысли и чувства, и прекратимъ доступъ впечатлѣніямъ зрѣнія, слуха, обонянія и, на сколько это возможно, вкуса и осязанія, то все-же намъ останутся впечатлѣнія, неотдѣлимые отъ жизни нашего организма: извѣстная степень напряженности и ослабленія мускуловъ и органической теплоты, сопровождающихъ процессъ пищеваренія, степень давленія воздуха на все наше тѣло и вообще измѣненія, которыя мы обнимаемъ общими словами: болѣзнь